

Информация для цитирования:

Кратенко М. В., Ербахаев Е. А. Штрафные (карательные) убытки: зарубежный опыт и перспективы имплементации в российское право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 580–602. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-580-602.

Kratenko M. V., Erbakhaev E. A. *Shtrafnye (karatel'nye) ubytki: zarubezhnyy opyt i perspektivy implementatsii v rossiyskoe pravo* [Exemplary (Punitive) Damages: Foreign Experience and Prospects in Russian Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 580–602. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-580-602.

УДК 347.2

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-580-602

Штрафные (карательные) убытки: зарубежный опыт и перспективы имплементации в российское право

М. В. КратенкоСанкт-Петербургский государственный университет
E-mail: maxkrat@yandex.ru**Е. А. Ербахаев**Китайский политико-правовой университет
E-mail: erbakhaev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.08.2025

Введение: исследуются хорошо известный странам общего права институт штрафных убытков (*exemplary / punitive damages*), история его формирования, выполняемые функции и тенденции в правовом регулировании. **Цель:** соотнести штрафные убытки с другими формами гражданско-правовой ответственности, в том числе имеющими сверхкомпенсационный характер; определить условия присуждения штрафных убытков; оценить перспективы имплементации исследуемого института в гражданское законодательство России и обозначить возможные сферы его применения. **Методы:** используются формально-логический, исторический и сравнительно-правовой методы исследования. **Выводы:** реформы деликтной ответственности в США и других странах общего права превратили штрафные убытки из так называемых легких денег (*windfall*) в социально полезный инструмент, который позволяет избирательно воздействовать на субъектов, осознанно пренебрегающих правами и законными интересами других лиц. Этим объясняется включение норм о штрафных убытках в гражданское законодательство некоторых стран Азии (Китай, Южная Корея), обсуждение в доктрине стран континентальной Европы (Франция). Оценивая перспективы появления исследуемого института в России, авторы отмечают наличие в гражданском законодательстве санкций, выполняющих сходные функции, а также их избыточность применительно к регулированию потребительских отношений. Предлагается скорректировать существующую модель потребительского штрафа (ч. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей) в части условий его взыскания и «выгодополучателей» присужденной суммы.

Ключевые слова: возмутительное поведение; грубая неосторожность; штрафные убытки; наказание; права потребителя; ответственность изготовителя

© Кратенко М. В., Ербахаев Е. А., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Exemplary (Punitive) Damages: Foreign Experience and Prospects in Russian Law

M. V. Kratenko

St. Petersburg State University
E-mail: maxkrat@yandex.ru

E. A. Erbakhaev

China University of Political Science and Law
E-mail: erbakhaev@mail.ru

Received 28 Aug 2025

Introduction: the authors examine the concept of exemplary (punitive) damages, well known to common law countries, including the history of the emergence of this institution, its functions, and trends in legal regulation. **Purpose:** to compare punitive damages with other forms of civil liability, including those of over-compensatory (punitive) nature; to formulate the preconditions for awarding them; to assess the prospects of the implementation of this institution in Russian legislation and to outline possible areas of its application. **Methods:** dogmatic method, historical method, comparative legal analysis. **Conclusions:** tort law reforms in the United States and other common law countries have transformed punitive damages from so-called windfall into a socially useful tool that makes it possible to punish selectively and to deter wrongdoing by persons who consciously disregard the rights and legitimate interests of others. This explains the inclusion of norms on punitive damages in the civil legislation of some Asian countries (PRC, South Korea) as well as the discussion held in the doctrine of continental Europe. Assessing the prospects of the introduction of punitive damages in Russian law, the authors note the presence in Russian civil legislation of sanctions that fulfil similar functions, highlighting the excessiveness of these sanctions in the regulation of relations under consumer law. It is proposed to adjust the existing model of consumer fine (part 6 of Article 13 of the Consumer Protection Law) in terms of the prerequisites for its collection and the 'beneficiaries' of the awarded amount.

Keywords: outrageous act; gross negligence; exemplary damages; punitive damages; punishment; consumer rights; product liability

Введение

Характерной чертой гражданско-правовой ответственности, отличающей ее от мер уголовного и административного наказания, является компенсационная направленность – возмещение потерпевшему причиненного вреда (убытков) ровно в том объеме, в котором он что-либо утратил, не меньше и не больше¹. Штрафные, или сверхкомпенсационные, санкции присутствуют в гражданском праве, но, скорее, как исключение из этого общего правила.

Однако в современном мире деятельность одних субъектов может создавать риски для широкого круга других: выпуск недоброкачественной продукции, раскрытие персональных данных, загрязнение окружающей среды. Нормы публичного права не всегда справляются с этими глобальными угрозами, и «эстафету» предсказуемо принимает частное право. Оправданием использования штрафных санкций может быть, с одной стороны, высокая социальная значимость охраняемых с их помощью интересов, а с другой – такое поведение делинквента, которое свидетельствует о явном пренебрежении к правам других лиц. В единичных случаях соответствующие действия могут и не представлять повышенной общественной

опасности, поэтому не образуют состав административного правонарушения или преступления, однако «в промышленных масштабах» даже мелкое зло заслуживает порицания и требует принятия превентивных мер, в том числе в рамках гражданского права.

В англо-американской правовой доктрине традиционно проводится деление убытков на компенсаторные (*compensatory*) и штрафные (*exemplary, punitive*). Первые, как и в российской правовой системе (ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)), рассчитаны на возмещение потерпевшему понесенных расходов и упущенной выгоды. В свою очередь штрафные убытки присуждаются дополнительно к компенсаторным – за совершение ответчиком особо возмутительных действий, чтобы удержать его и других лиц от подобного поведения в будущем. Размер штрафных убытков определяется жюри присяжных / судьей с учетом характера поведения ответчика, его материального положения и прочих факторов. Наибольшее распространение вердикты о присуждении штрафных убытков получили в следующих сферах: причинение вреда личности, защита прав потребителей, охрана интеллектуальной собственности и пресечение недобросовестной конкуренции [32, с. 1260; 36, с. 359].

¹ 'Ni perte, ni profit pour la victim' (фр.).

Долгое время штрафные убытки были атрибутом исключительно законодательства и судебной практики в странах Содружества (Commonwealth). Однако в последние годы наблюдается интерес к данному институту в странах континентальной Европы и Азии. Для российского гражданского права штрафные, или сверхкомпенсационные, санкции также не являются terra incognita, активно обсуждаются в современной доктрине. Следует согласиться с коллегами в том, что существующий режим применения штрафных санкций не является оптимальным [9, с. 68; 12, с. 59]. Разъяснения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ обеспечивают дополнительную «настройку» данных санкций, исключающую как избыточное финансовое давление на ответчика, так и чрезмерное обогащение на стороне истца¹. Однако проблема до конца не решена. Наиболее острую критику вызывает штраф за отказ удовлетворить требования потребителя в добровольном порядке (п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей²). Правовая природа этой санкции в законе не определена, как и фигура «выгодополучателя» [10, с. 247–253]. Штраф присуждается во всех случаях удовлетворения иска потребителя, то есть неизбежно, мало кого и к чему-либо стимулирует, воспринимается предпринимателями исключительно как средство обогащения потребителей и их юристов. Вместе с тем исключение из законодательства о защите прав потребителей данной санкции было бы поспешным решением. В заключительной части статьи сформулированы предложения, позволяющие сохранить потребительский штраф в качестве гражданско-правовой санкции, обеспечив при этом его более разумное и справедливое применение.

1. Концепция штрафных убытков в странах общего права

1.1. История появления института и функции

Прообразы штрафных убытков находят в древнейших источниках права, в частности в Кодексе Хаммурапи (1772 г. до н. э.), книге Моисея (около 1200 г. до н. э.) и пр. Как правило, речь идет о наложении взыскания в кратном размере к стоимости украденных вещей³. Считается, что соответствующие санкции были разработаны, с одной стороны, для более адекватного компенсирования ущерба пострадавшему, а

с другой – для наказания и устрашения делинквента, предотвращения аналогичного поведения в будущем [36, с. 351–352]. Эта гибридная концепция «компенсации-наказания» в общих чертах была впоследствии воспринята судами Англии и США.

В Англии появление термина *exemplary damages* связывают с двумя судебными процессами 1763 года, состоявшимися на фоне политических волнений. В деле *Huckle v. Money* (1763) истец-типограф был подвергнут незаконному аресту⁴ и в течение 6 часов находился под стражей. И хотя с задержанным обращались вполне уважительно, присяжные присудили истцу штрафные убытки в размере 300 фунтов, что многократно превышало стоимость его рабочего времени. Лорд судья Кэмден поддержал жюри и отметил, что присяжные имели полное право взыскать штрафные убытки в подобных обстоятельствах, когда ответчик грубо нарушил *Magna Carta* и действовал в тиранической манере. Жалоба представителей Короны на суровость вердикта была отклонена. Еще более четко суть штрафных убытков была определена в деле *Wilkes v. Wood* (1763), где истец также подвергся незаконному принуждению со стороны чиновников⁵. Давая напутствие присяжным, Лорд судья отметил, что денежная компенсация предназначена не только для удовлетворения интересов потерпевшего, но и, подобно наказанию, для предотвращения аналогичных действий в будущем, а также служит доказательством порицания присяжными соответствующего поведения⁶.

В дальнейшем штрафные убытки стали относительно распространенным явлением. Помимо случаев незаконного ареста и незаконного проникновения в жилое помещение, штрафные убытки присуждались в случаях нанесения побоев, клеветы, подстрекательства к совершению преступления [19, с. 391, 402]. Их обоснование (*rationale*) в рамках конкретного дела могло иметь нюансы: показать реакцию суда на вызывающий проступок⁷; удержать мужчину от поведения, не подобающего джентльмену⁸; предотвратить дуэль как способ восстановления испорченной репутации; сгладить общественное недовольство поступком ответчика и исключить вероятность расправы [37, с. 772]. Но имплицитно взыскание штрафных убытков всегда преследовало три цели: наказание (*punishment*), сдерживание (*deterrence*) и возмездие (*retribution*). Соответственно, основное

¹ См.: По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 июля 2020 г. № 40-П.

² О защите прав потребителей: Закон РФ от 7 фев. 1992 г. № 2300-1 (в ред. от 07.07.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее по тексту – Закон о защите прав потребителей.

³ См., например: Библия. Вторая книга Моисеева. Исх. 22:1.

⁴ В ордере, выданном именем короля Георга III, содержалось общее указание обыскать и задержать издателей подрывной литературы, без указания конкретных имен и адресов.

⁵ Производство незаконного обыска в жилом помещении.

⁶ Протокол судебного заседания. URL: <http://www.commonlii.org/uk/cases/EngR/1763/103.pdf>.

⁷ *Tullidge v. Wade* (1769).

⁸ *Merest v. Harvey* (1814).

внимание уделялось не столько потерям потерпевшего, сколько поведению ответчика.

В 1964 году Палатой лордов было рассмотрено дело *Rookes v. Barnard*¹, в котором Лорд судья Девлин поставил под сомнение возможность присуждения штрафных убытков в неограниченном числе случаев, поскольку это приводит к смешению функций гражданского и уголовного права. Он также обратил внимание на то, что ни в одном из своих прежних решений Палата лордов не одобряла и не поощряла взыскание штрафных убытков. Из уважения к традициям и существующему прецедентному праву Девлин предложил ограничить взыскание штрафных убытков тремя категориями дел: 1) тиранические, произвольные или неконституционные действия государственных служащих²; 2) нарушение прав другого лица в расчете на получение прибыли, превосходящей нанесенный потерпевшему вред; 3) прямо предусмотренные законом основания для взыскания штрафных убытков. Позиция Девлина была поддержана другими членами Палаты лордов, что нашло отражение в последующей судебной практике. В частности, в деле *AB v. South West Water Services Ltd.* (1993) Апелляционный суд отказал во взыскании штрафных убытков с государственной водопроводной компании за загрязнение питьевой воды и утаивание соответствующей информации от населения, поскольку до 1964 года по аналогичным искам штрафные убытки не назначались. Однако позже, в деле *Kuddus v. Chief Constable of Leicestershire Constabulary* (2001), Палата лордов отклонила ограничения, установленные в деле *AB*, допустив присуждение штрафных убытков и по другим категориям споров (например, в случае расовой дискриминации). В целом судебная практика и доктрина по вопросу взыскания штрафных убытков оставались противоречивыми [14, с. 369–372], что в итоге стало поводом для обсуждения штрафных убытков и смежных категорий в специальном докладе Комиссии по реформированию права (Law Reform Commission)³ и комментариях к указанному докладу [20, с. 860–869].

В США появление термина *punitive damages* связывают с делом *Genay v. Norris* (1784). Ответчик, врач по профессии, решил подшутить над своим приятелем-иностранцем и подсыпал ему в вино большую порцию афродизиака. В результате истец в течение нескольких недель испытывал острые боли. Этот хулиганский поступок, по словам председательствующего судьи, был настолько беспричинным и возмутительным, особенно для врача, что заслуживал порицания и присуждения значительной суммы убытков. Присяжные восприняли напутственное слово и взыскали в пользу истца 400 фунтов [15, с. 2].

Одна из гипотез объясняет популярность штрафных убытков в США тем, что они обеспечивали защиту бестелесных благ (изображения, репутации, приватности и т. п.), которые вплоть до начала XIX века не признавались самостоятельным объектом правовой охраны [17, с. 5–7]. Показательным является дело *Coryell v. Colbough* (1791). Во время беременности истицы ответчик умышленно и без всякого повода нарушил условия брачного договора. Присяжные пришли к выводу, что поведение ответчика было крайне неподобающим и нанесло серьезный ущерб репутации истицы. В результате с ответчика были взысканы штрафные убытки. Впоследствии вердикты присяжных о присуждении штрафных убытков вышли далеко за пределы возмещения немущественного ущерба (*non-pecuniary damage*), а в 70-х годах прошлого века получили наибольшее распространение в делах об ответственности за вред, причиненный недоброкачественной продукцией. Американские ученые назвали этот период взрывом судебных разбирательств (*litigation explosion*). Увеличилось количество деликтных исков, равно как и суммы присуждаемых потерпевшим штрафных убытков [31, с. 338; 18, с. 4–5]. Наиболее заметным стало дело *Liebeck v. McDonald's* (1994). Истице, которая обожглась горячим кофе, присяжные присудили 160 тыс. долл. в качестве компенсаторных убытков и 2,7 млн долл. в качестве штрафных. Причиной взыскания штрафных убытков в столь значительном размере стал тот факт, что руководству компании *McDonald's* было давно известно о рисках для потребителей, однако необходимые предупредительные меры не предпринимались. Предупреждающая надпись о высокой температуре напитка была выполнена мелким шрифтом.

Подобно английскому прецедентному праву, доктрина и судебная практика в США выделяют следующие функции штрафных убытков: наказание ответчика за его возмутительное поведение и порицание, особенно в тех случаях, когда отсутствуют или неэффективны уголовно-правовые санкции; сдерживание ответчика и других от совершения аналогичных действий в будущем; стимулирование правоохранительной деятельности за счет усилий частных лиц [37, с. 775–776]. Наказание и превенция включены в определение штрафных убытков в параграфе 908 Второго свода деликтного права США (в оригинале “...Punitive damages are awarded to punish the defendant for his or her outrageous conduct and to deter such conduct in the future”)⁴. Отмечается также, что штрафные убытки могут выполнять и компенсационную функцию (в качестве побочной), обеспечивая истцу возмещение расходов на оплату услуг

¹ URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1964/1.html>.

² Девлин подчеркнул, что речь идет о тирании именно со стороны лиц, наделенных государственной властью.

³ Law Reform Commission. Consultation Paper on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages (April, 1998). URL: https://www.lawreform.ie/_fileupload/consultation%20papers/cpAggravatedDamages.html.

⁴ American Law Institute. Restatement (Second) of Torts (1979).

представителя¹; возмещение вреда/убытков, доказывание которых или расчет по правилам компенсаторных убытков затруднительны (моральный вред, убытки в случае нарушения интеллектуальных прав или вследствие недобросовестной конкуренции) [43, с. 123–124].

В Австралии присуждение штрафных убытков стало сложившейся практикой после рассмотрения Высоким Судом дела *Whitfield v. De Lauret & Co Ltd* (1920) [16, с. 89]. В этом деле была озвучена формула, согласно которой штрафные убытки могут присуждаться в ситуациях, когда ответчик сознательно совершает противоправные действия с явным пренебрежением к правам других лиц (в оригинале “...Exemplary damages will be awarded in cases of conscious wrongdoing in contumelious disregard of another’s rights”). В последующих прецедентах формула лишь незначительно уточнялась. Так, в деле *Gray v. Motor Accident Commission* (1998) судьи Высокого Суда отметили, что штрафные убытки взыскиваются редко и необходимо установить нечто большее, чем просто виновное правонарушение. В установлении этого отягчающего обстоятельства австралийские судьи имеют дискрецию, в целом придерживаясь позиции Высокого Суда по делу *Whitfield*.

В отличие от британских коллег, австралийские судьи не ограничены лишь тремя категориями споров, где допускается назначение штрафных убытков. При рассмотрении дела *Uren v. John Fairfax & Sons Pty Ltd.* (1966) Высокий Суд указал, что сформированный в английском праве ограничительный подход² не применяется в Австралии, достаточно лишь соответствия требования критериям из дела *Whitfield*. Штрафные убытки возможны в контексте практически любого правонарушения за изъятиями, прямо предусмотренными федеральным законодательством и законами отдельных штатов (территорий). Законодательная интервенция в части исключения штрафных убытков ведется по трем основным направлениям – диффамация³, неосторожное причинение смерти или вреда здоровью (в результате ДТП, несчастного случая на рабочем месте и т. д.)⁴, ответственность государства за незаконные действия сотрудников полиции (в отдельных штатах⁵). В соответствии со сложившейся практикой штрафные убытки также не взыскиваются за нарушение договорных обязательств [28, с. 700–703].

1.2. Вопросы терминологии: штрафные убытки и смежные категории

Для общего права характерны различные конструкции убытков (*damages*), при этом основания их присуждения нередко пересекаются.

Так, особо циничное или иное вызывающее поведение делинквента, которое усилило страдания потерпевшего, может повлечь взыскание как увеличенных убытков (*aggravated damages*⁶), так и штрафных. В свою очередь наличие у ответчика мотива извлечь выгоду за счет нарушения прав другого лица дает возможность выбора для истца – потребовать штрафные убытки или так называемые реституционные (*restitutionary damages*)⁷. В последнем случае возмещение потерпевшему выплачивается исходя из полученной ответчиком прибыли, даже если по фактическим обстоятельствам сам истец не смог бы извлечь такую прибыль⁸. Иными словами, подобно штрафным убыткам, некоторые санкции также могут выполнять функцию наказания, возмездия, превенции.

Комиссия по реформированию права в своем итоговом докладе (1998)⁹ пришла к выводу, что перечисленные выше три категории убытков необходимо разграничивать. Увеличенные и реституционные убытки направлены в первую очередь на возмещение ущерба потерпевшему, поэтому являются разновидностью компенсации (*remedy*¹⁰), а не наказания (*punishment*).

В частности, увеличенные убытки направлены на компенсацию определенного типа вреда, а именно психических страданий (*mental distress*) или какой-то их части. Предпосылкой для их взыскания является способ совершения ответчиком противоправных действий (например, особая жестокость) или его последующее поведение (равнодушие, насмешки), которые причиняют истцу дополнительные страдания. В конечном счете, по мнению Комиссии, увеличенные убытки будут ассимилированы в общих правилах о компенсации морального вреда.

Применительно к реституционным убыткам Комиссия отметила их сходство с исками о возврате неосновательного обогащения, где характер поведения или форма вины ответчика юридически безразличны. Даже если реституционные убытки в каких-то случаях выполняют превентивную функцию, это не

¹ Особенностью процессуального права США является то, что каждая сторона самостоятельно несет расходы на оплату услуг юриста (расходы не взыскиваются с проигравшей стороны).

² Имеется в виду позиция Палаты лордов в деле *Rookes v Barnard* (1964).

³ Defamation Act 2005 (New South Wales), section 37; Defamation Act 2006 (North Territory), section 35; Defamation Act 2005 (South Australia), section 35; Defamation Act 2005 (Tasmania), section 37, etc.

⁴ Accident Compensation Act 1985 (Victoria), section 134AB; Workers Compensation Act 1987 (New South Wales), section 151R.

⁵ Police Act 1892 (West Australia), section 137(6).

⁶ Термин также можно перевести как «убытки при отягчающих обстоятельствах».

⁷ Эксперты по общему праву отмечают сходство реституционных убытков с конструкцией *disgorgement of profits* (истребование доходов), популярной в доктрине и судебной практике континентальной Европы.

⁸ Соответственно, нарушение прав другого лица перестает быть экономически выгодным, что обеспечивает необходимый превентивный эффект.

⁹ Consultation Paper on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages (April, 1998).

¹⁰ В переводе с англ. «возмещение, исправление, лекарство».

переводит их в разряд наказания. Их основная цель – обеспечить эффективную защиту в случае присвоения или иного посягательства на чужие права. Механизм реституционных убытков, по мнению Комиссии, является относительно новым и динамичным, поэтому не следует ограничивать его применение какими-либо конкретными категориями правонарушений и лучше довериться судебной практике.

Наконец, при выборе между терминами *exemplary damages* и *punitive damages* Комиссия отдала предпочтение первому, поскольку он акцентирует внимание на превентивном эффекте санкции и ее социальной значимости. В качестве аргумента Комиссия привела цитату из выступления Лорда Хэйлшема в деле *Cassell v. Broome* (1972) – о том, что термин *exemplary damages* более четко отражает политику права и намерение законодателя научить ответчика тому, что правонарушения не приносят доход.

1.3. Условия присуждения штрафных убытков

Штрафные убытки могут быть присуждены при условии, что требование истца к ответчику о взыскании компенсаторных убытков признано обоснованным [37, с. 772–773; 36, с. 365–366]. В этом смысле штрафные убытки носят производный от основного требования характер. Следовательно, истец должен доказать наличие соответствующих условий ответственности делинквента – в зависимости от характера деликта (диффамация, причинение вреда дефектной продукцией и пр.). Далее должно быть продемонстрировано, что в поведении ответчика было нечто большее, чем просто правонарушение.

В докладе, посвященном штрафным убыткам (1998), Комиссия по реформированию права пришла к выводу, что речь идет об определенном уровне неприемлемости поведения ответчика с точки зрения морали и принятых в обществе ценностей. Сформулировать точное определение через какую-то конкретную форму вины затруднительно. Суды, как правило, используют один из следующих критериев: злой умысел (*malice, deliberate*)¹; мстительность (*vindictiveness*); высокомерие (*arrogant*)²; аморальный или вопиющий характер поведения (*outrageous or fragrant*); существенное безразличие (*serious disregard of or recklessness*) к правам истца³. Ранее, в докладе о гражданско-правовых аспектах диффамации (1991)⁴, уже был сформулирован необходимый стандарт вины для присуждения штрафных убытков: наглое, высокомерное и мстительное поведение ответчика либо грубое пренебрежение к правам

истца. Комиссия посчитала, что этот стандарт сохраняет свою актуальность и вполне может использоваться в качестве универсального. При этом не обязательно, чтобы действия ответчика были умышленными, достаточно безрассудства или грубой небрежности. В каком-либо законодательном уточнении стандарт вины, по мнению Комиссии, также не нуждается, поскольку желательно сохранить дискрецию присяжных и судей в данном вопросе.

В США для взыскания штрафных убытков истец должен доказать, что проступок ответчика является настолько вопиющим, что заслуживает более сурового денежного взыскания, чем одна лишь компенсация потерпевшему причиненного ущерба. Законодательство и суды штатов используют разные формулировки для описания необходимого стандарта виновности: в Калифорнии необходимо доказать наличие в действиях ответчика жестокости, обмана (*fraud*), прямого или косвенного умысла (*malice, expressed or implied*)⁵; в Мичигане – наличие злого умысла (*willful act*), грубой небрежности (*very grossly negligent act*) или явного пренебрежения к правам и безопасности других лиц (*wanton or reckless act*); в Миннесоте – умышленное безразличие ответчика к правам других лиц [37, с. 774; 32, с. 1265–1266]. Модельный закон США об ответственности за дефектную продукцию (Model Uniform Products Liability Act, 1979) в параграфе 129(A) определил основание взыскания штрафных убытков следующим образом: «Если потерпевший представит явные и убедительные доказательства того, что причиненный ему вред является следствием *сознательного пренебрежения* продавца или изготовителя к безопасности покупателей или иных пользователей товара». Авторы Второго свода деликтного права США хотя и сделали упор на вопиющем поведении ответчика (*outrageous conduct*), однако также определили его через злой умысел (*evil motive*) и явное безразличие (*reckless indifference*) к правам других лиц⁶.

Резюмируя, можно сказать, что для взыскания штрафных убытков в странах общего права должна быть доказана серьезная степень вины ответчика – умысел или по меньшей мере грубая неосторожность.

1.4. Критика штрафных убытков в доктрине и законодательные реформы (опыт США)

Примерно в 1970-е, когда штрафные убытки стали настоящим «хитом» в делах об ответственности производителя в США, в прессе были высказаны следующие замечания в адрес данного института: непредсказуемость вердиктов присяжных в части

¹ *Vorvis v. Insurance Corporation of British Columbia* (1989).

² *Uren v. John Fairfax and Sons Pty Ltd.*

³ *Uren v. John Fairfax and Sons* (1966); *XL Petroleum (NSW) Pty Ltd v. Caltex Oil (Australia) Pty Ltd* (1985).

⁴ Law Reform Commission. Report on the Civil Law of Defamation (1991).

⁵ California Civil Code, § 3294 (1981).

⁶ Restatement (Second) of Torts (1979), § 908(2).

размера присуждаемых штрафных убытков; снижение шансов других потерпевших получить аналогичную компенсацию, что и первый истец (например, в случае массового распространения дефектной продукции и большого количества пострадавших); риск доведения до банкротства ответчика и негативные последствия для экономики в целом. Так, в деле *Pennzoil Co. v. Texaco (1987)* с ответчика, в связи с неправомерным вмешательством в договорные отношения, были взысканы штрафные убытки в сумме 3 млрд долл., наряду с упущенной выгодой из-за несостоявшейся сделки в размере 7,53 млрд долл. После объявления вердикта ответчик инициировал процедуру собственного банкротства. Предприниматели называли штрафные убытки случайной удачей для потребителя (*smart money, windfall*¹), средством наживы для юристов и стимулом к сутяжничеству [30, с. 140–145].

В свою очередь в доктрине ключевыми стали вопросы о том, насколько совместимы штрафные убытки с общепринятым делением права на частное и публичное и корректно ли привлекать лицо к фактически публичной ответственности, не обеспечив ему должные гарантии судебной защиты (надлежащую процедуру, презумпцию невиновности, стандарт доказывания на уровне *beyond reasonable doubt*²). Ряд американских ученых и вовсе усматривают в штрафных убытках угрозу конституционному строю США [35, с. 1117, 1119].

Комиссия по реформированию права не могла проигнорировать данные замечания. Часть из них, по мнению Комиссии, не являлась бесспорной. Например, деление права на частное и публичное никогда и ни в какой правовой системе не было строгим (герметичным). Гораздо лучше признать эту реальность и определить четкие параметры применения публично-правовых средств в гражданском праве. В заключительной части доклада о штрафных убытках (1988) были сформулированы предложения, направленные на устранение или смягчение отрицательных аспектов данной санкции: 1) о необходимости учета совокупности факторов при определении размера штрафных убытков (степени вины ответчика, суммы взысканных компенсаторных убытков, включая увеличенные³; финансового положения ответчика); 2) о невозможности взыскания штрафных

убытков в случае, если ответчик уже был привлечен к административной или уголовной ответственности в форме штрафа за то же правонарушение (недопущение двойной ответственности); 3) о предпочтительности использования повышенного, в сравнении с обычным для гражданских дел, стандарта доказывания – *clear and convincing evidence*⁴, распространенного в практике судов США при рассмотрении исков о взыскании штрафных убытков⁵. В части риска избыточного обогащения одного потерпевшего и недоступности аналогичных выплат другим истцам Комиссия не пришла к единому выводу. С одной стороны, было справедливо замечено, что основной целью присуждения штрафных убытков является превенция, а не компенсация причиненного вреда, поэтому достаточно однократного взыскания значительной суммы с ответчика (в пользу первого истца). С другой стороны, Комиссия оставила открытым для обсуждения вариант сплит-системы, при которой присужденные штрафные убытки (либо их часть) направляются в бюджет или специальные компенсационные фонды для потерпевших.

В сравнении с другими странами Содружества, в США суммы взыскиваемых штрафных убытков были высокими, если не сказать катастрофическими для ответчиков⁶, поэтому потребность в реформировании данного института для многих была очевидной [27, с. 609–610]. В деле *Gore v. BMW of North America Inc. (1996)*⁷ присяжные вынесли вердикт о взыскании с ответчика в пользу истца 4 тыс. долл. компенсаторных убытков и еще 4 млн долл. в качестве штрафных. Основанием послужили недобросовестные действия ответчика, который перед продажей перекрасил автомобиль и предложил его истцу в качестве нового. Верховный Суд Алабамы снизил размер штрафных убытков до 2 млн долл. Верховный Суд США пересмотрел и это решение, указав на чрезмерность присужденной суммы, и сформулировал следующие критерии: 1) степень предосудительности поведения ответчика; 2) наличие разумной взаимосвязи между размером компенсаторных и штрафных убытков; 3) сравнение штрафных убытков с административными или уголовными штрафами, налагаемыми за сопоставимое поведение. При повторном слушании дела Верховный Суд Алабамы снизил

¹ В пер. с англ. «манна небесная, неожиданная удача».

² В пер. с англ. «вне всякого сомнения». Данный высокий стандарт доказывания применяется в странах общего права при рассмотрении уголовных дел. В свою очередь для разрешения гражданских дел используется пониженный стандарт доказывания – *preponderance of the evidence* (преобладающей вероятности).

³ В частности, если сумма присужденных потерпевшему компенсаторных убытков уже сама по себе достаточна, чтобы обеспечить превентивный эффект, нет необходимости в дополнительном взыскании штрафных убытков. Комиссия не усмотрела необходимости в законодательном ограничении верхней планки штрафных убытков (*statutory caps*), поскольку это станет препятствием для учета вышеуказанных факторов, а в случае с состоятельным ответчиком – не обеспечит достаточный превентивный эффект.

⁴ В пер. с англ. «ясные и убедительные доказательства».

⁵ По состоянию на 2014 г. в законодательстве 35 штатов США установлен именно этот стандарт доказывания для требований о взыскании штрафных убытков [23, с. 342–343].

⁶ Например, в 1985 г. средний размер штрафных убытков в делах об ответственности производителя составил около 1 млн долл. [18, с. 4–5].

⁷ *BMW, Inc. v. Gore, 701 So. 2d 507 (Ala. 1997)*.

штрафные убытки до 50 тыс. долл., что соответствовало размеру самого строгого уголовного штрафа за сходное правонарушение и соотносилось с ранее вынесенными вердиктами по аналогичным делам. Вопрос о чрезмерности штрафных убытков и поиске какого-либо критерия их соотношения (ratio) с компенсаторными убытками в последующем неоднократно поднимался в Верховном Суде США¹.

В конечном итоге инициативу проведения реформ взяли на себя законодательные органы штатов. Несколько штатов исключили взыскание штрафных убытков в принципе (Небраска, Нью-Гэмпшир) либо ограничили их случаями, прямо указанными в законе (Луизиана, Массачусетс, Вашингтон). В оставшихся – штрафные убытки подверглись определенной регламентации. Основные тренды законодательных реформ: переход от абсолютной дискреции присяжных/судей в определении размера штрафных убытков к установленным в законе параметрам; направление части присужденных штрафных убытков на общепользные цели – в бюджет соответствующего штата, специальные фонды для потерпевших, благотворительные организации [43, с. 115].

Размер штрафных убытков, как правило, ограничивается через фиксированные максимумы, кратность по отношению к компенсаторным убыткам и необходимость учета совокупности факторов (степень вины ответчика, наличие других потерпевших и пр.). В решении по делу *Gore v. BMW of North America, Inc.* Верховный Суд США указал, что невозможно установить точную пропорцию между штрафными и компенсаторными убытками, однако превышение показателя 10:1 (10 – штрафные, 1 – компенсаторные) должно вызывать сомнение в конституционности присуждаемой суммы. Таким образом, показатель 10:1 является верхним порогом штрафных убытков и служит ориентиром как для судей, так и для законодательных органов штатов. Например, в штате Колорадо штрафные убытки не могут превышать трехкратной суммы компенсаторных убытков, в штате Алабама – трехкратной суммы компенсаторных, но в любом случае не более 500 тыс. долл.

В ответ на сравнение штрафных убытков с легкими деньгами для истца некоторые штаты предусмотрели сплит-системы, то есть перечисление части штрафных убытков в бюджет либо специально созданные фонды для защиты пострадавших (например, получивших отравление асбестом). В штате Иллинойс доля штрафных убытков, которые взыскиваются в бюджет штата, определяется судьей, в штате Миссури – во всех случаях составляет 50 %, а в штате Джорджия применительно к делам о дефектной продукции – составляет 75 %. В некоторых штатах эти удержания образуют общие доходы бюджета, то есть обезличиваются, в других направляются на пополнение специальных фондов – для выплаты компенсаций пострадавшим [23, с. 345].

2. Штрафные убытки в других правовых системах

2.1. Страны континентальной Европы *Критическое восприятие штрафных убытков в немецкой доктрине*

В странах континентальной Европы, в частности в Германии и Австрии, институт штрафных убытков (*Strafschadenersatz*) оценивается по большей части критически. Считается, что он размывает границу между частным и публичным правом. Современное правовое регулирование договорной и деликтной ответственности направлено на возмещение вреда (убытков) потерпевшему, в то время как функцию наказания правонарушителя выполняет уголовное законодательство [21, с. 75–76; 39, с. 185, 203]. Гражданско-правовые санкции, включая возмещение убытков, не могут иметь в качестве своей цели наказание ответчика.

Такова общепринятая позиция немецкой доктрины, которая воспроизводится в ведущих комментариях к Германскому гражданскому уложению (ГГУ), учебной литературе [43, с. 106–107]. Норма параграфа 249 ГГУ о том, что при возмещении ущерба потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы соответствующее обстоятельство не наступило, не изменилась за прошедшие 100 с лишним лет и по-прежнему рассматривается как закрепляющая компенсаторную основу гражданско-правовой ответственности. По словам проф. Коциоля, предотвращение какого-либо нежелательного поведения должно обеспечиваться за счет совершенствования норм уголовного и административного права. В свою очередь частное право должно строго придерживаться того принципа, что потерпевший не может рассчитывать на случайные деньги (*windfall*) [26, с. 741–742]. Вместе с тем проф. Коциоль не исключает возможность наделения некоторых общественных ассоциаций правом на предъявление исков в интересах потерпевших о взыскании штрафных убытков и перечислении взысканных сумм в пользу публично-правовых образований, социальных фондов и т. п. [26, с. 762].

В свою очередь сторонники штрафных убытков справедливо отмечают, что в законодательстве Германии есть примеры санкций, который могут иметь сверхкомпенсационный (штрафной) эффект. Во-первых, это всем известный институт компенсации морального вреда, при расчете которой учитываются не только причиненные потерпевшему страдания, но и характер поведения ответчика, кратность посягательств, степень вины и пр. В пояснениях (*Motive*) к ГГУ отмечалось, что денежная компенсация за боль и страдания является своеобразным исключением из общего правила (компенсаторного принципа гражданской ответственности)², применение

¹ См., например: *Philip Morris USA v. Williams* (2007); *Exxon Shipping Co. v. Baker* (2008).

² *Motive zu dem Entwurfe eines Buergerlichen Gesetzbuches fuer das Deutsche Reich* (BGB 1896), § 728 at 799.

данного способа защиты ограничено прямо указанными в законе случаями (§ 253 ГГУ). Во-вторых, часто ссылаются на ранее действовавшее положение параграфа 611-а ГГУ, устанавливающее запрет дискриминации при приеме на работу и санкцию за его нарушение: если работник не был принят на работу вследствие дискриминационного поведения работодателя, последний обязан был выплатить возмещение в пределах трехмесячного заработка, который мог бы получить соискатель работы¹. В-третьих, немецкое законодательство об интеллектуальной собственности, как правило, наделяет правообладателя возможностью выбора способов защиты – взыскать убытки, либо извлеченный ответчиком за счет неправомерных действий доход, либо возможный лицензионный сбор (в случае гипотетического соглашения с правообладателем). В последних двух случаях санкции не являются чисто компенсаторными.

Федеральный Верховный Суд Германии (Bundesgerichtshof, BGH) в 1992 году при рассмотрении вопроса об исполнимости решения суда Калифорнии в части взыскания штрафных убытков подтвердил сложившийся в доктрине негативный подход: в принудительном исполнении решения было отказано со ссылкой на его противоречие публичному порядку и чрезмерный размер штрафных убытков². В то же время в решении было отмечено, что штрафные убытки не могут рассматриваться как наказание в узком смысле слова (публичная санкция), поскольку присуждаются частному лицу³. Некоторые эксперты предполагают, что в условиях всё большей интернационализации позиция BGH в отношении исполнимости решений судов США о взыскании штрафных убытков может смягчиться, по крайней мере в случаях, когда сумма штрафных убытков не является слишком высокой [43, с. 160–161]. Другие, напротив, делают пессимистические прогнозы на этот счет,

указывая в качестве одной из причин то обстоятельство, что США до настоящего времени не ратифицировали Гаагскую Конвенцию о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым спорам (2019)⁴ [40, с. 149–150].

Штрафные убытки в законопроектах Франции по вопросам деликтной ответственности

В законодательстве Франции встречаются примеры частнопроводимых штрафов⁵. Поэтому совсем не удивительно, что штрафные убытки (*réparation exemplaire*) неоднократно включались в законопроекты по реформированию деликтного права: проект о внесении изменений в статью 1371 ФГК (Catala Draft, 2005), проект дополнения ФГК статьей 1386-25 (Béteille Proposal, 2010), проект Закона о деликтной ответственности (Terré Tort Draft, 2011). Законопроекты имели отличия в части сферы применения штрафных убытков, фигуры выгодополучателя и необходимости верхних значений штрафа, однако их разработчики были солидарны в том, что потребность в данной санкции существует. В качестве возможных оснований для присуждения штрафных убытков рассматривались умышленные посягательства (*faute délictuelle volontaire*) на личные права, а также намерение извлечь выгоду из правонарушения (*fautes lucratives*) [29, с. 259–276]. И хотя ни один из законопроектов не был реализован в части положений о штрафных убытках⁶, исследуемый институт всё еще обсуждается в доктрине как перспективный.

В свою очередь Кассационный суд Франции, отказывая в 2010 году в принудительном исполнении решения Верховного Суда Калифорнии в части взыскания штрафных убытков в размере 1,46 млн долл. США (по делу *Cornelison v. Chaney & Jaguars Cars*), указал, что хотя подобные убытки и не противоречат публичному порядку Франции, однако их

¹ «Потолок» в виде трехмесячного заработка был исключен из текста ГГУ, но лишь по той причине, что Европейский суд правосудия (ЕСJ) посчитал его недостаточным стимулом для недобросовестных работодателей.

² Решением суда штата Калифорния в пользу истицы, подвергшейся сексуальному домогательству, были взысканы убытки в общей сложности 750 тыс. долл., из которых 150 тыс. долл. – в счет возмещения медицинских расходов, 200 тыс. долл. – в качестве компенсации за боль и страдания, оставшиеся 400 тыс. – штрафные убытки. Немецкий суд 1-й инстанции признал исполнимость указанного решения в полном объеме, суд апелляционной инстанции ограничил взыскание штрафных убытков суммой в 55 тыс. долл., а BGH и вовсе отказал в исполнимости решения в части взыскания штрафных убытков.

³ BGHZ 118, 312.

⁴ Convention of 2 July 2019 on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters (Hague). Конвенцию ратифицировали 27 государств – членов Евросоюза, а также Великобритания (в отношении Англии и Уэльса).

⁵ Например, в соответствии со статьей L. 442–4 Торгового кодекса Франции (Code de commerce) лицо, которое использует запрещенные законом деловые практики в отношениях с контрагентами, может быть присуждено к уплате гражданского штрафа (*amende civile*) в размере до 5 млн евро или трехкратной суммы дохода, извлеченного неправомерным путем. Текст кодекса (фр.). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000038414263.

⁶ Примечательно, что институт штрафных убытков оказался востребованным во франкоязычной провинции Квебек (Канада), правовая система которой близка континентальному праву. Нормы о штрафных убытках содержатся в Хартии основных прав и свобод (1975), Гражданском кодексе (1991), Законе о защите потребителей. В соответствии со ст. 1621 Гражданского кодекса штрафные убытки присуждаются в случаях, прямо предусмотренных законом, при этом они не должны превышать величину, достаточную для выполнения превентивной функции. Чаще всего штрафные убытки присуждаются в контексте исков о защите прав потребителей: *Karine, v. Audi Canada Inc.* (2021); *Dollarama, Rona inc. and Lowe's, Metro inc., Costco, Giant Tiger, etc.* (2022). На сайте Службы по защите прав потребителей (<https://www.opc.gouv.qc.ca/en/consumer/punitive-damages/>) приведены примеры соответствующих судебных решений; в среднем штрафные убытки составляют около 1–2 тыс. канадских долларов.

сумма явно не пропорциональна реальным потерям потерпевшего¹.

Суды еще ряда стран ЕС (Испания, Греция) также придерживаются тезиса о том, что сами по себе штрафные убытки не противоречат их публичному порядку [13], однако в принудительном исполнении решения может быть отказано в случае чрезмерности взыскиваемой суммы².

Штрафные убытки в законодательстве ЕС и модельных актах частного права

Законодательство ЕС и модельные акты частного права (DCFR, PETL) не содержат явно выраженного запрета³ на применение санкций типа *punitive damages*, более того, предоставляют судьям определенную дискрецию в данном вопросе. В частности, пункт 32 Директивы ЕС № 864/2007 (Rome II) о праве, применимом к внедоговорным обязательствам⁴, допускает возможность для суда со ссылкой на противоречие публичному порядку или императивным нормам отказать в применении норм другого государства, предусматривающих взыскание сверхкомпенсационных санкций (*non-compensatory exemplary or punitive damages*) в явно избыточном размере. Иными словами, судебные решения о взыскании штрафных убытков не являются автоматически противоречащими публичному порядку. Исключается принудительное взыскание чрезмерных сумм. Этот (избирательный) подход, по мнению некоторых ученых, может со временем распространиться за пределы собственно вопросов выбора применимого права [30, с. 10–11].

2.2. Страны Азии

В *Китае* понятия «возмещение» и «компенсация», обозначающие действия должника, которые обеспечиваются государственным принуждением, определяются с помощью термина «賠償, péicháng». Несмотря на использование единого термина, в конкретных случаях и в паре с дополнительными словами эти понятия приобретают принципиальные различия. Например, «損失賠償, sǔnshī péicháng» и «損害賠償, sǔnhài péicháng» означают соответственно «возмещение убытков» и «возмещение вреда».

Китайский институт штрафных убытков – «懲罰性賠償, chéngfáxìng péicháng» – означает не их возмещение, а выплату «штрафной компенсации» [5, с. 46, 290, 296, 303]. Перевод указанного института

как компенсации обусловлен следующими причинами. В китайском праве убытки включают ущерб, ликвидация которого означает восстановление имущественной сферы потерпевшего (кредитора). Компенсация, в отличие от возмещения убытков, применяется в случаях, когда объект нарушенных прав невозможно подвергнуть денежной оценке либо трудно установить такую оценку. Компенсация также используется в иных случаях, в частности, когда гражданское право выполняет функцию защиты слабых участников правоотношений. Очевидно, что компенсация может как превысить сумму убытков, так и, наоборот, не достичь их действительного размера. В отличие от своих коллег из стран Содружества, китайские ученые, например проф. Ван Лимин [48, с. 112–113], подчеркивают не столько превентивную функцию штрафной компенсации, сколько ее компенсаторный характер. Указанное свойство штрафной компенсации в законодательстве КНР отмечают и иностранные исследователи [24, с. 529].

Штрафная компенсация имеет относительно долгую историю в законодательстве КНР. Впервые норма о такой компенсации появилась в статье 47 Закона КНР «О деликтной ответственности» (2009). На изготовителя или продавца, осведомленных о недостатках товара и тем не менее продолжающих их производство или реализацию, в случае если вследствие недостатков был причинен вред жизни или существенный вред здоровью гражданина, могло быть наложено соответствующее денежное взыскание. В 2013 году аналогичная норма, но имеющая в качестве адресата ответственности лишь продавца, появилась в части 2 статьи 55 Закона КНР «О защите прав и интересов потребителей» (1993).

В дальнейшем рассматриваемая норма была перенесена из Закона о деликтной ответственности в статью 1207 Гражданского кодекса КНР (2020)⁵. В раздел 7 Кодекса, посвященный деликтной ответственности, были включены еще две нормы о взыскании штрафной компенсации: при нанесении вреда окружающей среде, при нарушении интеллектуальных прав. В первом случае основанием для присуждения штрафной компенсации являются умышленные противоправные действия делинквента, повлекшие существенные негативные последствия для окружающей среды (ст. 1232). Во втором случае должно иметь место существенное умышленное нарушение интеллектуальных прав потерпевшего при отягчающих обстоятельствах (ст. 1185). Аналогичные нормы, направленные на защиту субъектов авторских и

¹ Cass. 1e civ., 1 décembre 2010, n° 09–13303, (Eoux X – Rejet pourvoi c/CA Poitiers, 26 février 2009). Текст (фр.). URL: www.legifrance.fr.

² См., напр.: *Miller Import Corp. v. Alabastres Alfredo, S.L.*, STS, 13 November 2001 (Esequátur No. 2039/1999) (Spain)

³ Косвенно на недопустимость *punitive damages* указывает определение убытков в ст. 10:101 PETL – денежная выплата, направленная на компенсацию потерь потерпевшего и восстановление его имущественной сферы в исходное состояние, существовавшее до нарушения права.

⁴ Regulation (EC) № 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II).

⁵ С 1 января 2021 г., в связи с введением в действие ГК КНР, Закон о деликтной ответственности утратил силу.

патентных прав, были включены в ноябре и октябре 2020 года соответственно в Закон КНР «Об авторском праве» от 07.09.1990 и Закон КНР «О патентах» от 12.03.1984, с той лишь оговоркой, что для описания формы гражданско-правовой ответственности законодатель использовал термин «компенсация» 赔偿 (péicháng), а не «штрафная компенсация» 惩罚性赔偿. Указанные законы уточняют размер компенсации за нарушение авторского, патентного права и смежных прав. Она может составлять от двукратной до пятикратной суммы убытков, понесенных вследствие нарушения исключительного права.

Такая же компенсация 赔偿 (péicháng) (без прилагательного «штрафная») и в таком же размере, от двукратной до пятикратной суммы убытков, предусмотрена Законом КНР «О товарных знаках» от 23.08.1982 и Законом КНР «О противодействии недобросовестной конкуренции» 02.09.1993 применительно к нарушениям исключительного права на товарный знак и режима коммерческой тайны соответственно. Условием взыскания компенсации 赔偿 (péicháng) в указанных случаях является необходимость доказывания потерпевшим злонамеренного нарушения со стороны делинквента. В то же время в соответствии с ГК КНР, Законом об авторском праве и Законом о патентах потерпевшему достаточно доказать лишь умышленный характер нарушения авторского, смежного или патентного права. Полагаем, что обозначенная коллизия должна разрешаться в пользу специальных законов. Злонамеренный характер нарушения, в отличие от умысла, проявляется, в частности, во множественности нарушений, в совершении нарушения после вынесенного предупреждения.

Компенсация 赔偿 (péicháng), повторяющая признаки штрафной компенсации 惩罚性赔偿, присуждается и в иных случаях, предусмотренных законом [22, с. 351–352]. Например, согласно статье 70 Закона КНР «О туризме» от 25.04.2013 компенсация в размере от двукратной до трехкратной стоимости туристического продукта может быть взыскана в следующих случаях: причинение вреда здоровью туриста; одностороннее, в отсутствие соответствующей договоренности, оставление туриста в месте временного пребывания; другие существенные негативные последствия для туриста. В юридической литературе [46] и в судебной практике¹ компенсация 赔偿 (péicháng), сходная со штрафной компенсацией, может именоваться законной компенсацией (法定赔偿, fǎdìng péicháng).

В случаях, предусмотренных законом, поведение делинквента может повлечь взыскание не

только штрафной компенсации, но и дополнительной компенсации “增加赔偿 · zēngjiā péicháng”. Некоторые авторы приравнивают дополнительную компенсацию к штрафной [49, с. 14]. Данная компенсация впервые была упомянута в первоначальной редакции Закона КНР «О защите прав и интересов потребителей» (ст. 49) с целью наказания хозяйствующих субъектов, допускающих обман потребителей при продаже товаров или оказании услуг, и могла взыскиваться в размере двукратной стоимости товаров или услуг. В 2013 году норма о дополнительной компенсации была перенесена в часть 1 статьи 55 Закона «О защите прав и интересов потребителей», при этом максимальный размер компенсации был поднят до трехкратной стоимости товаров, а минимум установлен в сумме 500 юаней. Хотя с 2013 года Закон упоминает штрафную компенсацию 惩罚性赔偿 и дополнительную компенсацию 增加赔偿, их одновременное взыскание не допускается.

Дополнительная компенсация 增加赔偿 также известна Закону КНР «О безопасности продуктов питания» от 28.02.2009. Потерпевшие вправе требовать ее выплаты в размере, не превышающем десятикратной стоимости товара либо не превышающем трехкратной суммы убытков. При этом ее минимальный размер составляет 1000 юаней. Основанием для выплаты компенсации является производство продуктов питания, не соответствующих стандартам качества, либо продажа такого товара, если продавцу заведомо известно о его несоответствии указанным стандартам.

Условием присуждения дополнительной компенсации является исключительно умышленная вина делинквента (в отличие от штрафной компенсации), что подтверждается судебной практикой КНР [47, с. 104]. Кроме того, круг бенефициаров штрафной компенсации шире и включает в себя не только потребителей, но и коммерсантов и правообладателей интеллектуальных прав.

Общими чертами штрафной и дополнительной компенсаций является совокупность критериев, которые учитывают китайские судьи при определении размера присуждаемой суммы: форма и степень вины ответчика и его материальное положение (чтобы исключить риск банкротства); негативный эффект действий ответчика для соответствующей социальной группы; объем извлеченного ответчиком дохода; факт применения к ответчику за те же действия уголовного и административного наказаний [33, с. 47; 44, с. 8].

Сходство системы карательных компенсаций в Китае и штрафных убытков в странах общего права заключается в их производном от возмещения

¹ 参见2020年4月23日的《北京市高级人民法院关于侵害知识产权及不正当竞争案件确定损害赔偿的指导意见及法定赔偿的裁判标准(一)》.

компенсаторных убытков характере. Вместе с тем китайская цивилистическая доктрина и правоприменительная практика допускают взыскание штрафной компенсации и в качестве удовлетворения основного требования – в случае защиты общественных интересов. Так, в деле *Guangdong Provincial Consumer Association v. Shi Weiqing & Hong Shaowen* истец в интересах неопределенного круга лиц просил обязать ответчиков принести публичные извинения и выплатить штрафную компенсацию в связи с установленными в приговоре суда по другому делу фактами продажи поддельной соли и несоответствия содержания йода в соли требованиям национального стандарта. Суд согласился с исковыми требованиями. Однако при этом указал, что штрафная компенсация подлежит зачету в счет штрафа как уголовного наказания, который был назначен обоим ответчикам по приговору. Также суд отметил, что штрафная компенсация, заявляемая в общественных интересах, должна зачисляться в бюджет¹. В решении по делу *People's Procuratorate of Wuxi City v. Chen* суд указал, что взысканные с ответчика штрафные убытки подлежат перечислению в пользу соответствующего фонда социальной защиты потребителей, а при отсутствии такового – в бюджет [44, с. 11]. Практика присуждения штрафных убытков в пользу пострадавшей социальной группы, то есть обезличенно, – это своеобразный ответ на критику о том, что штрафные убытки приводят к обогащению потерпевших.

Суды КНР всё еще с осторожностью присуждают штрафную и дополнительную компенсацию [45, с. 144–145], однако статистика заявления потерпевшими соответствующих требований растет из года в год: 98 в 2015, 172 в 2016, 479 в 2017 и т. д. [22, с. 353].

Концепция *punitive damages* была использована законодателем **Южной Кореи** при обновлении Закона об ответственности за дефектную продукцию. Основанием для взыскания штрафных убытков являются злонамеренные действия изготовителя дефектной продукции, например, осознанный выпуск в обращение продукции, не соответствующей требованиям безопасности. Размер штрафных убытков может составлять до трехкратной величины компенсаторных убытков, что, по мнению корейских ученых, явно недостаточно для обеспечения должного превентивного эффекта [25, с. 2]. Конструкция штрафных убытков используется и в других законах Южной Кореи.

Нельзя не упомянуть и Гражданский кодекс **Филиппин** (1949), который уже с момента своего принятия содержал подробную регламентацию штрафных убытков². Штрафные убытки (*exemplary or*

corrective damages) могут быть присуждены истцу дополнительно к компенсации морального вреда, ликвидационным или компенсаторным убыткам, при этом выполняют функции общественного порицания и превенции (ст. 2229). Штрафные убытки не являются способом реализации/защиты субъективного права истца, поскольку лишь суд определяет, имеются ли основания для их присуждения (ст. 2233). Условия взыскания штрафных убытков зависят от контекста спора: в случае преступления необходимы отягчающие обстоятельства (ст. 2230), в иных деликтах – грубая неосторожность со стороны ответчика (ст. 2231), в договорных и квазидоговорных спорах – обман, злонамеренное или явно безответственное поведение (ст. 2232)³. Практика присуждения штрафных убытков в Филиппинах достаточно обширна. Суды мотивируют вывод о взыскании штрафных убытков необходимостью пресечения распространенных правонарушений, поддержания социальной справедливости. Какие-либо максимальные значения штрафных убытков законом не установлены, однако в соответствии с практикой Верховного Суда Филиппин сумма должна быть разумной и достаточной для оказания превентивного эффекта⁴.

3. Перспективы имплементации штрафных убытков в российское право

3.1. Штрафные (сверхкомпенсационные) санкции в гражданском законодательстве РФ: общий обзор

В отечественной литературе штрафные (сверхкомпенсационные) санкции, а также их отрицательные аспекты стали предметом обсуждения относительно недавно [3, с. 19–52; 6, с. 128–139; 9, с. 68–110; 12, с. 59–64]. В целом российская доктрина, подобно немецкой и австрийской, также исходит из компенсационной направленности мер гражданско-правовой ответственности [2, с. 611; 7, с. 217; 11, с. 234], что находит соответствующее отражение в законодательстве (ст. 15, ст. 1064 ГК РФ). При этом наблюдается более гибкое отношение к тому, что гражданско-правовые санкции могут выполнять и другие функции – наказания, специальной и общей превенции [1, с. 56–58]. Появление в гражданском законодательстве штрафных санкций российские ученые объясняют теми же причинами, что и их зарубежные коллеги: затруднительностью доказывания убытков при нарушении некоторых прав (личных немущественных, исключительных), потребностью в повышенной защите слабой стороны (потребителя,

¹ (2017) 粵01 民初386号. Текст (кит.) URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXSK4/index.html?docId=8yAVIAKarxbLkHa9Uj/sbU7mkSRy0W1UqHZKbgZNO5i5is+LceKw5W13IS1ZgB82m4zQDnQFtck+mgR+UzO+N42EzZthLu10uOVRpiXfgxDvcFPcCEIGeOkvnVkuofd25>.

² Наличие института штрафных убытков в Гражданском кодексе Филиппин можно объяснить значительным влиянием США на правовую систему данного государства.

³ Текст кодекса (англ.). URL: <https://www.pinayjurist.com/wp-content/uploads/2021/01/Civil-Code-of-the-Philippines.pdf>.

⁴ См., например: Решение Верховного Суда Филиппин от 5 окт. 2011 г. по делу № 178321 (*People of the Philippines v. Conrado Laog*). Текст (англ.). URL: https://lawphil.net/judjuris/juri2011/oct2011/gr_178321_2011.html.

работника), необходимостью пресечения систематических (массовых) правонарушений [8, с. 319–320].

К санкциям, которые потенциально могут привести к сверхвозмещению на стороне потерпевшего, относят: штрафную неустойку и штраф за нарушение прав потребителя (п. 2 и п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей, соответственно), судебную неустойку (п. 1 ст. 308.3 ГК РФ), компенсацию за нарушение исключительных прав (п. 3 ст. 1252, ст. 1301, ст. 1406.1, п. 4 ст. 1515 ГК РФ) [9, с. 68–70]. И это лишь те случаи, когда возможность сверхвозмещения очевидна. Гипотетически, эффект сверхвозмещения может иметь место и при взыскании компенсации за причинение вреда окружающей среде – если размер компенсации будет рассчитываться по таксам и методикам (при отсутствии у ответчика утвержденного проекта рекультивационных и иных восстановительных работ на момент разрешения спора)¹, которые не всегда позволяют учитывать нюансы природного объекта, например наличие накопленного вреда или истощенность биоресурсов. Компенсация морального вреда при нарушении имущественных прав потерпевшего² также вызывает вопросы о правовой природе данной санкции – не скрывается ли за ней российский аналог штрафных убытков?³ Аналогичное замечание можно сделать в адрес судебных решений о взыскании компенсации морального вреда при утрате или повреждении вещей, неимущественная ценность которых для потерпевшего далеко не очевидна (например, квартира)⁴.

Штрафные санкции долгое время ассоциировались лишь с дополнительным бременем для ответчика, при этом упускалась из виду их гибридная (частно-публичная) природа. В современной литературе обоснованно поставлен вопрос о необходимости дифференциации условий применения компенсаторных и штрафных санкций. В частности, если речь идет о взыскании штрафной неустойки за нарушение прав потребителя, предлагается учитывать степень вины ответчика⁵, продолжительность правонарушения и частоту допускаемых нарушений прав

потребителя [12, с. 63–64]. Действительно, в случае применения наказания акцент переносится с фигуры и имущественного положения потерпевшего на поведение правонарушителя.

Применительно к компенсации за нарушение исключительных прав на результаты творческой деятельности и средства индивидуализации Конституционный Суд РФ формирует практику, направленную на предотвращение случаев взыскания чрезмерных сумм и неоправданного обогащения потерпевшего. Так, в Постановлении от 24.07.2020 № 40-П Конституционный Суд РФ разъяснил, что положения пункта 3 статьи 1252 и пункта 4 статьи 1515 ГК РФ не могут трактоваться как исключающие право суда с учетом фактических обстоятельств конкретного дела снизить общий размер компенсации, если он многократно превышает величину причиненных правообладателю убытков и обстоятельства дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено ответчиком впервые, не носило грубый характер и т. д. Идею поиска разумного баланса Конституционный Суд РФ развил в Постановлении от 14.12.2023 № 57-П, указав на необходимость учета аффилированности потерпевших (владельцев сходных товарных знаков, которые были неправомерно использованы), предъявивших к ответчику требования о взыскании компенсации.

В применении некоторых сверхкомпенсационных санкций действительно есть перегибы, в том числе избыточное финансовое давление на ответчика. Однако это не повод для их упразднения или замены штрафными убытками. Скорее, речь идет об уточнении условий их применения, а также создании неких корректирующих механизмов – подобных статье 333 ГК РФ, но позволяющих учитывать более широкий спектр обстоятельств, характеризующих ответчика. Соответствующие вопросы могут быть разрешены посредством разъяснений высших судебных инстанций. Лишь в сфере защиты прав потребителей обилие штрафных санкций и отсутствие четкой концепции их применения указывают на необходимость законодательной реформы.

¹ Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 26.12.2024), п. 3 ст. 77, ст. 78. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее по тексту – Закон об охране окружающей среды. См. также: п. 12, 16 Обзора судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 июня 2022).

² Допускается лишь в случаях, предусмотренных законом (п. 2 ст. 1099 ГК РФ), например, при нарушении прав потребителя, трудовых прав.

³ В европейской доктрине обсуждается возможность использования института компенсации морального вреда (*non-pecuniary damage*) в целях стимулирования более сильного контрагента к надлежащему исполнению договорных обязательств: работодателя перед работником, страховщика перед страхователем и т. д. Как правило, соответствующая компенсация присуждается в случаях злоупотреблений со стороны более сильного контрагента [42, с. 375–377]. В российской литературе к основным функциям компенсации морального вреда, вне зависимости от контекста ее присуждения (уменьшение нематериальных благ или нарушение имущественных прав), относят компенсаторную функцию и функцию морального удовлетворения [4, с. 48–51].

⁴ См., например: кассационное Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 апр. 2023 г. по делу № 7У-2446/2023.

⁵ Несмотря на общее правило п. 3 ст. 401 ГК РФ об ответственности лица, не исполнившего обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, независимо от вины.

3.2. Штрафные санкции за нарушение прав потребителя

Правовая природа компенсации морального вреда и штрафа, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей¹

Законодательство о защите прав потребителей предусматривает целый арсенал штрафных (сверхкомпенсационных) санкций: штрафная неустойка, компенсация морального вреда, штраф за отказ удовлетворить законные требования потребителя в добровольном порядке. Существует ли риск ничем не оправданного обогащения потребителя? Вероятно, да, особенно в тех случаях, когда потребитель предъявляет несколько исков к ответчику в связи с одной и той же спорной ситуацией (например, о возврате стоимости некачественного товара, выплате неустойки, взыскании убытков в виде разницы в цене аналогичных товаров и т. д.), рассчитывая на взыскание штрафа по каждому делу. Испытывает ли ответчик избыточное финансовое давление? Абсолютно точно. Во-первых, применение всех вышеперечисленных санкций (за исключением компенсации морального вреда) не обусловлено наличием вины в действиях ответчика. Во-вторых, размер санкций не зависит от того, было ли применено к ответчику какое-либо административное или уголовное наказание в форме штрафа за то же правонарушение. Вполне возможна ситуация, когда предприниматель был подвергнут административному наказанию в виде штрафа (например, на основании ст. 14.8 Кодекса об административных правонарушениях РФ²) или аналогичному уголовному наказанию (например, на основании ст. 238 Уголовного кодекса РФ³ (далее – УК РФ)), после чего был удовлетворен гражданский иск потребителя к указанному предпринимателю и, соответственно, взыскан штраф в порядке пункта 6 статьи 13 Закона о защите прав потребителей.

В то же время нельзя сказать, что эти сверхкомпенсационные санкции эффективны в пресечении массовых правонарушений. Если сумма требований потребителя невелика, то и исчисленный из нее штраф также будет небольшим и не обеспечит

нужный превентивный эффект. Одному из авторов данной статьи удалось привлечь к ответственности крупнейшего провайдера услуг связи за недобросовестную деловую практику (изменение тарифного плана со ссылкой на совершение потребителем конклюдентных действий): на ответчика была возложена обязанность произвести перерасчет стоимости услуг, выплатить компенсацию морального вреда в размере 500 руб. и штраф в размере 250 руб.⁴ Подобное «наказание» вряд ли повлияет на дальнейшую деятельность провайдера. Примеры легко продолжить – навязывание потребителю дополнительных услуг⁵, изменение цены товара (услуги) в одностороннем порядке, предоставление недостоверной или неполной информации о потребительских свойствах товара и пр.

В силу статьи 15 Закона о защите прав потребителей моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения его прав, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины. Это одно из исключений, санкционированных законом (п. 2 ст. 1099 ГК РФ). Поскольку сумма компенсации не зависит от размера причиненного потребителю имущественного вреда и понесенных убытков⁶, данная санкция имеет сверхкомпенсационный характер, так или иначе выполняет функции наказания, превенции. Возникает закономерный вопрос: как обеспечить справедливость наказания, какие обстоятельства следует принять во внимание при определении размера компенсации? Перечисленные в статьях 151 и 1101 ГК РФ критерии (характер физических и нравственных страданий, индивидуальные особенности потерпевшего) уместны при взыскании компенсации морального вреда за умаление нематериальных благ, однако их применимость в случае нарушения имущественных прав потребителя вызывает большие сомнения. Фактически суд может опираться лишь на степень вины ответчика, а также требования разумности и справедливости.

Разъясняя практику применения норм о компенсации морального вреда, Верховный Суд указал, что для взыскания компенсации морального вреда в пользу потребителя достаточно установить сам

¹ Проблемные аспекты штрафной неустойки за нарушение прав потребителя намеренно не освещаются авторами, поскольку ранее уже были предметом подобных исследований [6, с. 128–139; 12, с. 59–64].

² Размер штрафа в отношении юридического лица может составлять до 500 тыс. руб.

³ Размер штрафа может составлять до 500 тыс. руб.

⁴ См.: Решение Советского районного суда г. Красноярск от 14 сент. 2020 г. по делу № 2-2480/2020 (по иску Кратенко М. В. к ПАО «Ростелеком»). URL: https://sovnet--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=105913986&delo_id=1540005&new=0&text_number=1.

⁵ См., например: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 нояб. 2022 г. № 88-20658 по иску Управления Роспотребнадзора в интересах С. к АО «Мегафон Ритейл» (навязанное программное обеспечение при продаже смартфона; сумма штрафа составила 7 тыс. руб.); Апелляционное определение Ленинского районного суда г. Мурманск от 16 нояб. 2017 г. № 11-65/17 по иску С. к ООО «Т2 Мобайл» (подключение платных услуг и контента без согласия абонента; сумма штрафа составила 600 руб.).

⁶ Абз. 2 ст. 15 Закона о защите прав потребителей.

факт нарушения его имущественных прав¹. Иными словами, наличие физических и нравственных страданий у потребителя предполагается. Также рекомендовано исходить из предположения о вине ответчика в причинении морального вреда, пока не доказано обратное². Складывается абсурдная ситуация – на ответчика налагается наказание, которое гипотетически должно иметь воспитательный и превентивный эффект, однако правоприменитель опирается на одни лишь предположения – вместо повышенного стандарта доказывания. Верховный Суд РФ уделил пристальное внимание критериям определения размера компенсации морального вреда, однако не дифференцировал их применительно к нарушению нематериальных благ и имущественных прав потерпевшего (в частности, потребителя)³. Такой поверхностный подход к регулированию компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав (в частности, потребителя) позволяет говорить о том, что речь идет о некой юридической фикции: физических и нравственных страданий у потребителя может и не быть (например, в силу незначительной стоимости спорного товара), но взыскать компенсацию необходимо. Возможно, этим объясняется практика присуждения потребителю символической компенсации в ситуациях, когда не установлен факт причинения вреда его здоровью. Так, расторгая договор купли-продажи некачественной мебели (при изготовлении которой использовались опасные вещества), суд взыскал в пользу истца компенсацию морального вреда в размере 2 тыс. руб., несмотря на длительное нахождение «токсичного» шкафа в квартире потребителя, уклонение ответчика от его вывоза. Отменяя судебные акты по делу, ВС РФ указал на заниженный размер компенсации⁴.

«Потребительский штраф» не всегда присуждался самому потребителю. До 2012 года штраф взыскивался в бюджет соответствующего муниципального образования⁵ и рассматривался многими как аналог административной санкции. В 2012 году, несмотря на отсутствие каких-либо изменений в редакции пункта 6 статьи 13 Закона РФ «О защите прав

потребителей», Верховный Суд РФ кардинально поменял свою позицию и указал на необходимость взыскания штрафа в пользу самого потребителя⁶. Такая резкая смена координат вызвала в литературе дискуссию о правовой природе потребительского штрафа – является он частноправовой или публично-правовой санкцией. Некоторые ученые тут же провели параллель между потребительским штрафом и известным общему праву институтом штрафных убытков [3, с. 40–41]. До настоящего времени точка в этой дискуссии не поставлена, о чем свидетельствует различная трактовка потребительского штрафа в постановлениях Конституционного Суда РФ – как самостоятельного вида ответственности (существующего наряду с гражданско-правовой)⁷ либо в качестве сверхкомпенсационной меры, которая применяется дополнительно к мерам гражданско-правовой ответственности компенсаторного характера (возмещение убытков, неустойка и пр.)⁸. Верховный Суд РФ приравнивает потребительский штраф к законной неустойке из чисто практических соображений – для обоснования возможности снижения размера штрафа по правилам статьи 333 ГК РФ⁹.

К сожалению, предметом анализа высших судебных инстанций стал лишь вопрос о том, кому присуждать потребительский штраф. С учетом сверхкомпенсационной, то есть отчасти публично-правовой, природы данной санкции следовало бы оценить и условия ее применения. В настоящее время штраф взыскивается во всех случаях удовлетворения исковых требований потребителя, «автоматически» (даже если истцом-потребителем не заявлено соответствующее требование) и неизбирательно. Наличие вины в действиях ответчика и форма вины не являются детерминирующими ни для присуждения штрафа, ни для определения его размера. Такой подход выглядит примитивным в сравнении с условиями присуждения штрафных убытков в странах общего права или штрафной компенсации 惩罚性赔偿 / компенсации 增加赔偿 в Китае, хотя и более удобным для правоприменителя. С другой стороны, отсутствие у судьи дискреции в решении соответствующих вопросов (присуждать ли штраф и в каком размере) значительно снижает превентивный потенциал данной санкции, не говоря уже об отказе от принципа индивидуализации наказания.

¹ См.: О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 нояб. 2022 г. № 33. П. 3, 55 (далее – Постановление № 33).

² См.: п. 12 Постановления № 33.

³ См.: п. 26–30 Постановления № 33.

⁴ См.: Определение Верховного Суда РФ от 12 дек. 2023 г. № 5-КГ23-137-К2.

⁵ С учетом разъяснений в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за 4-й квартал 2006 г. (утв. 7 март. 2007 г.), вопрос 29.

⁶ См.: О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17. П. 46.

⁷ См., например: Определения Конституционного Суда РФ от 16 дек. 2010 г. № 1721-О-О, от 14 июля 2011 г. № 946-О-О, от 19 июля 2016 г. № 1566-О.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 дек. 2024 г. № 59-П.

⁹ См., например: разъяснение в пункте 11 Обзора судебной практики по делам о защите прав потребителей, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 23 окт. 2024 г.

Право потребителя на безопасность продукции и штрафные убытки: сравнительный опыт США и Китая

Проводя параллели между штрафными санкциями в зарубежном и российском праве, нельзя не упомянуть об институте ответственности изготовителя за вред, причиненный дефектной продукцией (*product liability*). Уместны ли подобные санкции в рамках режима строгой (безвиновной) ответственности изготовителя?

США

В 70–80-х годах прошлого века институт штрафных убытков стал активно применяться судами США при разрешении споров о возмещении вреда, причиненного дефектными товарами. Эксперты обратили внимание на тот факт, что строгая ответственность является адекватным механизмом распределения риска в ситуациях, когда вред причиняется дефектной продукцией, выпущенной на рынок по неосторожности, однако принципы ответственности не приспособлены для противодействия тем изготовителям, которые осознанно распространяют дефектные товары и безразлично относятся к безопасности потребителей. Одни изготовители, даже будучи осведомленными об опасных свойствах своих товаров, не готовы потратить и доллар на снижение рисков для конечного потребителя. Другие поступают еще хуже, когда представляют в уполномоченные государственные органы сфальсифицированные отчеты об испытаниях продукции (например, лекарственных средств), а затем рекламируют ее как абсолютно безопасную и одобренную к применению. По словам проф. Оуэна, такие недобросовестные предприниматели должны понимать, что их ответственность может не исчерпываться одним лишь возмещением причиненного вреда [32, с. 1259–1260].

На основе анализа практики судов США за более чем 30-летний период проф. Оуэн выделил как минимум 4 категории потребительских споров, при разрешении которых жюри обычно присуждает потерпевшему штрафные убытки:

1) поведение изготовителя содержит признаки обмана (*fraudulent-type misconduct*), например: фальсификация результатов испытаний лекарственных препаратов для получения разрешения; намеренное введение потребителей в заблуждение относительно безопасности продукции в ходе рекламных кампаний: *Toole v. Richardson-Merrell Inc.* (1967); *Squibb & Sons, Inc. v. Stickney* (1974);

2) осознанное отступление изготовителя от стандартов безопасности при разработке и изготовлении товара: *Rosendin v. Avco Lycoming Div.* (1972);

3) явно недостаточное тестирование продукции, поверхностный контроль качества: *Smith v. Cessna Aircraft Co.* (1972); *Deemer v. A.H. Robins Co.* (1976);

4) бездействие изготовителя или продавца в части исправления дефектов, о которых им стало известно уже после выпуска товара в обращение, включая несвоевременное проведение отзывной кампании: *Hoffman v. Sterling Drug, Inc.* (1975); *Gillham v. Admiral Corp.* (1975) [32, с. 1329].

Для всех перечисленных выше форм ненадлежащего поведения характерна серьезная степень вины – умысел или как минимум грубая неосторожность. Присяжные учитывают и другие факторы, в том числе тяжесть причиненного потерпевшему вреда, масштаб происшествий с участием дефектной продукции, но уже, скорее, для определения размера штрафных убытков.

В деле *Toole v. Richardson-Merrell Inc.* потерпевшим удалось доказать факт причинения вреда здоровью (развитие катаракты глаза) вследствие побочных эффектов производимого ответчиком препарата (MER/29). Выяснилось, что ответчик подделал результаты нескольких испытаний препарата на животных и обманным путем получил разрешение Службы по контролю за безопасностью пищевой продукции и лекарственных средств (Food and Drug Administration, FDA). Зная о серьезных рисках для потребителей, ответчик на протяжении нескольких лет рекламировал свой препарат как абсолютно безопасный и не прекращал его продажу вплоть до момента конфискации по распоряжению FDA. Присяжные взыскали в пользу истца в счет возмещения причиненного вреда 175 тыс. долл., а также штрафные убытки в размере 500 тыс. долл. Председательствующий судья уменьшил сумму штрафных убытков до 250 тыс. долл.¹

В деле *Gillham v. Admiral Corp.* иск был предъявлен к производителю цветных телевизоров в связи с возгоранием пульта и причинением серьезных ожогов 75-летнему пользователю. Телевизионные пульты имели производственные дефекты, о чем было известно ответчику из заключения его инженеров. В течение 4 лет, предшествовавших пожару в доме истца, было еще 90 аналогичных происшествий, однако ответчик не только не инициировал отзывную кампанию, но и всячески старался скрыть причины возгораний. Присяжные вынесли вердикт о взыскании в пользу истца 125 тыс. долл. компенсаторных убытков и 100 тыс. долл. штрафных².

Китай

В соответствии со статьей 1207 ГК КНР и частью 2 статьи 55 Закона о защите прав и интересов потребителей штрафная компенсация присуждается лишь при определенном типе нарушения – в случае причинения вреда жизни или здоровью потребителя (инвалидность 1-й или 2-й степени) вследствие таких недостатков товара, о которых изготовитель (продавец) знал, но скрывал и не предпринимал меры

¹ 251 Cal. App. '2d 689, 60 Cal. Rptr. 398 (1967).

² 523 F.2d 102 (6th Cir. 1975).

к отзыву товара из оборота. Иными словами, штрафная компенсация обеспечивает право потребителя на безопасность продукции. Данная компенсация может быть взыскана в размере, не превышающем двукратной суммы убытков потребителя.

Учитывая экстраординарность последствий, к которым может привести использование дефектной продукции, и наличие в уголовном¹ и административном законодательстве Китая соответствующих санкций за производство и реализацию дефектной продукции, можно констатировать незначительное количество гражданских дел о взыскании штрафной компенсации по данному основанию². Дополнительным сдерживающим фактором является то, что потерпевший (истец) для взыскания штрафной компенсации должен доказать ряд обстоятельств: наличие в товаре дефектов и их связь с вредом жизни или здоровью, осведомленность ответчика об опасных свойствах товара.

Штрафные убытки / штрафная компенсация не являются элементом строгой ответственности изготовителя, поскольку условия возмещения вреда потребителю (независимо от вины) и условия применения указанных штрафных санкций (при наличии серьезной степени вины) отличаются. Более того, при взыскании штрафных убытков невозможно применение всех тех доказательственных приемов, которые направлены на усиление процессуальной позиции потерпевшего³; стандарт доказывания соответствующего правонарушения со стороны ответчика, напротив, должен быть выше обычного. По указанным причинам штрафные убытки / штрафную компенсацию следует рассматривать как полезное дополнение к строгой ответственности изготовителя или как часть более общего института – права потребителя на безопасность продукции.

3.3. К вопросу о корректировке потребительского штрафа

Российское законодательство о защите прав потребителей перегружено штрафными санкциями. Потребитель в случае нарушения его прав может потребовать от ответчика выплаты штрафной неустойки, компенсации морального вреда и вдобавок ко всему – штрафа в размере 50 % от суммы

удовлетворенных требований. Дополнение данного списка штрафными убытками в еще большей степени нарушило бы баланс интересов предпринимателей и потребителей, поэтому оно неприемлемо.

Однако штрафные убытки (в той концепции, которая сложилась в общем праве) могли бы заменить собой одну или несколько из вышеперечисленных санкций. Имеются в виду компенсация морального вреда и потребительский штраф⁴. Обе эти санкции фактически выполняют одну и ту же функцию – наказания ответчика и предотвращения аналогичного поведения в будущем. При этом компенсация морального вреда нередко выглядит как «пародия» на защиту гражданских прав – в случае присуждения потребителю 500 руб. или еще меньшей суммы.

Лучшим решением было бы отказаться от идеи взыскания компенсации морального вреда при любых нарушениях прав потребителя. Компенсация морального вреда должна быть доступна лишь в тех случаях, когда нарушение имущественных прав потребителя сопряжено с умалением принадлежащих ему нематериальных благ либо когда из содержания обязательства следует, что его ненадлежащее исполнение причинит физические или нравственные страдания контрагенту (потребителю)⁵. Например, медицинская организация ненадлежащим образом выполняет пластическую операцию, необходимый потребителю косметический эффект не достигнут, в то же время вред его здоровью не нанесен. В подобной ситуации разумно наделить потребителя правом на компенсацию морального вреда. Присуждение компенсации морального вреда в целях усиления позиции слабой стороны (в частности, потребителя) и, соответственно, стимулирования сильной стороны к надлежащему исполнению договорных обязательств, даже в европейской доктрине рассматривается как некая экзотика, не всегда имеющая твердое нормативное основание [42, с. 345].

В свою очередь потребительский штраф должен быть преобразован – по модели *exemplary damages*: его применение необходимо сделать избирательным; обязательным условием его присуждения должна стать вина ответчика; следует исключить

¹ См., например: ст. 140, 146 Уголовного закона КНР.

² Если не принимать во внимание иски прокуроров и общественных организаций в защиту прав неопределенного круга потребителей (см. раздел 2.2 настоящей статьи).

³ Например, опровержимых презумпций дефектности товара или наличия причинной связи между выявленными дефектами и причиненным потребителю вредом. Соответствующие презумпции получили закрепление в тексте новой Директивы ЕС об ответственности производителя. См.: Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products and repealing Council Directive 85/374/EEC (Art. 9, Art. 10).

⁴ Избыточное применение штрафной неустойки может быть скорректировано при помощи ст. 333 ГК РФ, к тому же она имеет ограниченную область применения (случаи просрочки со стороны предпринимателя).

⁵ Близкая по смыслу норма содержится в п. 1 ст. 134 Обязательственно-правового закона Эстонии (Law of Obligations Act, 26.09.2001): требование о возмещении неимущественного вреда в связи с нарушением договорного обязательства может быть предъявлено только в том случае, если обязательство было направлено на удовлетворение определенного неимущественного интереса, и должник из обстоятельств заключения договора или его содержания должен был понимать, что нарушение обязательства может причинить неимущественный вред контрагенту. Текст закона (эст.). URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/506112013011/consolide>.

риск двойной ответственности, то есть одновременного взыскания потребительского штрафа и наложения административного/уголовного наказания в виде штрафа. Также имеет смысл отказаться от текущей формулы расчета штрафа (50 % от суммы удовлетворенных требований) и предоставить большую дискрецию суду, в том числе для пресечения мелких, но массовых нарушений прав потребителей.

Менее удачным выглядит такой вариант, при котором положения статьи 15 Закона РФ «О защите прав потребителей» остаются без изменений, и компенсация морального вреда продолжает выполнять компенсаторную, карательную и превентивную функции одновременно. В таком случае во избежание дублирования наказаний и избыточной сверхкомпенсации необходимо максимально ограничить применение потребительского штрафа, например, наиболее вопиющими формами поведения ответчика (обман и иные умышленные действия в отношении потребителя, явное безразличие к безопасности потребителя) – путем внесения соответствующей оговорки в пункт 6 статьи 13 Закона РФ о защите прав потребителей¹. По примеру китайских коллег можно специально указать в законе (в одной из статей параграфа 3 гл. 59 ГК, а также в ст. 14 Закона о защите прав потребителей) на возможность взыскания штрафа в ситуации, когда вред жизни и здоровью потребителя был причинен недостатками товара, о которых ответчику было заведомо известно, однако он не предпринял своевременных мер к отзыву товара из обращения или иным образом не предупредил пользователей. В подобных случаях вина ответчика в форме умысла или грубой неосторожности уже не может предполагаться (со ссылкой на правила п. 2 ст. 401 или п. 2 ст. 1064 ГК РФ), а подлежит доказыванию истцом. От текущей формулы для расчета штрафа, как и в первом случае, целесообразнее отказаться и указать в законе совокупность критериев, в частности: степень вины ответчика и его материальное положение, соразмерность с административными и уголовными штрафами за сходные правонарушения, факт возмещения потерпевшему вреда (убытков) третьими лицами.

Проблема избыточного обогащения потребителя как в первом, так и во втором случае может быть решена через установление предельных значений штрафа, а также посредством направления части штрафа в бюджет соответствующего муниципального образования или в специальные фонды (благотворительные организации и пр.) для потерпевших.

Подобная практика существовала в России до 2012 года и, возможно, нуждалась лишь в некоторых усовершенствованиях. В частности, при взыскании штрафа в местный бюджет можно предусмотреть целевое использование соответствующих средств – подобно тому, как это сделано в отношении сумм возмещения экологического вреда².

Заключение

Известный общему праву институт штрафных убытков имеет запутанное происхождение и даже политическую подоплеку (в делах *Huckle v. Money*, *Wilkes v. Wood*), однако выдержал проверку временем. Ни одна из стран Содружества не отказалась от его использования³, хотя и подвергла определенным ограничениям.

Сложно спорить с аргументами сторонников жесткого разделения публичного и частного права о том, что штрафные убытки являются карательной санкцией (наказанием) и с трудом вписываются в привычную концепцию гражданско-правовой ответственности. Однако справедливы и контраргументы другой стороны о том, что публичное право не всегда адекватно реагирует на массовые, но малозначительные правонарушения или ограничено в части адресатов ответственности⁴, поэтому в некоторых случаях гражданские иски потерпевших или правозащитных организаций могут обеспечить лучший превентивный эффект. Доступность частноправового механизма защиты стимулирует самих потерпевших, в частности потребителей, к выявлению и пресечению соответствующей недобросовестной деловой практики.

Проф. Коциоль прав в том, что проблема неэффективности публично-правовых санкций должна разрешаться прежде всего путем совершенствования норм административного и уголовного права. Но соответствующие законодательные инициативы могут занимать значительное время, в течение которого недобросовестные субъекты будут продолжать извлекать выгоду из нарушения прав других лиц, не опасаясь серьезных имущественных последствий: навязывать потребителям в агрессивной форме ненужные им товары, распространять продукцию, не отвечающую требованиям безопасности, осуществлять транспортировку нефтепродуктов в неправых судах и т. д. Для примера обратимся к статье 238 УК РФ, устанавливающей ответственность за производство либо сбыт товаров, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям

¹ Мыслим и третий вариант, когда компенсация морального вреда за нарушение имущественных прав потребителя рассматривается с позиции исключительно карательной (стимулирующей) санкции, размер которой зависит от степени вины ответчика, его имущественного положения и пр. Иными словами, моральный вред превращается в некий частноправовой штраф. При подобном подходе не имеется политико-правовых оснований для сохранения в Законе о защите прав потребителей конструкции потребительского штрафа (п. 6 ст. 13).

² См.: ст. 78.2 Закона об охране окружающей среды.

³ Законодательство отдельных штатов США не является показателем общей тенденции.

⁴ В частности, лишь физические лица (граждане) могут быть субъектами уголовной ответственности по российскому праву.

безопасности. В качестве наказания может быть наложен штраф в размере от 100 до 500 тыс. руб., который, скажем честно, не выглядит устрашающим. Кроме того, уголовное наказание не может быть применено к юридическому лицу, что не исключает вероятность продолжения им реализации опасных товаров (работ, услуг) уже при новом менеджменте, но под контролем прежних бенефициаров. О недостаточной эффективности уголовно-правовых санкций может свидетельствовать срез судебной практики по делам, связанным с травмированием детей и взрослых в развлекательных центрах с батутными ямами. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» по состоянию на июнь 2025 года выдает порядка 20 кассационных постановлений и 40 апелляционных – по гражданским делам о возмещении вреда здоровью и компенсации морального вреда, и в то же время не более 3–4 приговоров по статье 238 УК РФ в отношении руководителей и иных сотрудников батутных центров. В большинстве случаев уголовное наказание в виде лишения свободы было условным, а штраф не превышал 200 тыс. руб.¹

В подобных обстоятельствах существование штрафных санкций в частном праве кажется вполне закономерным явлением. Однако их гибридная (частно-публичная) правовая природа требует соответствующих «настроек», по аналогии с другими публичными санкциями, – точного описания оснований ответственности, включая форму вины ответчика, повышения стандарта доказывания в сравнении с обычно принятым при разрешении гражданских дел.

В гражданском законодательстве России штрафные (сверхкомпенсационные) санкции не являются редкостью. Функции наказания и превенции выполняют: штрафная неустойка, компенсация морального вреда, компенсация за нарушение исключительных прав и пр. И здесь нет места для иностранной конструкции штрафных убытков. Скорее, следует довериться судебной практике, которая со временем обеспечит необходимый баланс интересов истца и ответчика. Однако в сфере потребительских отношений штрафные санкции представлены бессистемно, выполняют дублирующие функции, при этом условия их применения фактически ничем не отличаются от условий применения компенсаторных санкций (за исключением компенсации морального вреда, для взыскания которой по общему правилу необходима вина предпринимателя). С опорой на зарубежный опыт предлагаются два варианта реформирования норм Закона о защите прав потребителей, каждый из которых позволяет сохранить штраф в системе средств защиты прав потребителей, сделав его применение более справедливым и социально ориентированным.

Библиографический список

1. Богданов Д. Е. Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 49–62.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. М.: Статут, 2000. 848 с.
3. Будылин С. Л. Штрафные убытки. Теперь и в России? // Вестник гражданского права. 2013. Т. 13, № 4. С. 19–52.
4. Евстигнеев Э. А. Научно-практический комментарий к ст. 1099–1101 ГК о компенсации морального вреда // Цивилистика. 2022. № 5. С. 15–142.
5. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. М.: Проспект, 2024. 368 с.
6. Зардов Р. С. Об оправданности сохранения механизма законной штрафной неустойки на современном этапе // Закон. 2018. № 6. С. 128–139.
7. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. 1. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 574 с.
8. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
9. Краснова С. А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 68–110.
10. Кузнецова О. А. В пользу кого взыскивается штраф, или Роль запятой в гражданском праве // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): сб. науч. ст.; отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 247–253.
11. Ровный В. В. Проблемы единства российского частного права. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1999. 310 с.
12. Слесарев В. Л., Кравец В. Д. Штрафная неустойка как «сверхкомпенсационная» санкция и особенности ее применения в делах с участием потребителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 3. С. 59–64.
13. Cavalier G. Punitive Damages and French Public Policy. Lyon Symposium. France, Lyon. 2007. URL: <https://univ-lyon3.hal.science/hal-00325829/document>.
14. Cunnington R. Should punitive damages be part of the judicial arsenal in contract cases? // Legal Studies. 2006. Vol. 26. № 3. Pp. 369–393. DOI:10.1111/j.1748-121X.2006.00016.x.
15. Cotchett J. W., Molumphy M. C. Punitive Damages: How Much Is Enough? // Civil Litigation Reporter. 1998. Vol. 20. Issue 1. URL: https://www.cpmlegal.com/publication-Punitive_Damages_How_Much_Is_Enough.
16. Doecke A. Exemplary Damages: Retribution and Condemnation – The Purpose Controlling the Scope of

¹ См., например: кассационное Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 фев. 2023 г. № 77-678/2023; кассационное Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 3 фев. 2021 г. № 77-187/2021.

the Exemplary Damages Award // *Adelaide Law Review*. 2017. Vol. 38. Pp. 87–112.

17. *Freifield S.* The Rationale of Punitive Damages // *Ohio St. L.J.* 1935. Vol. 1. Pp. 5–11.

18. *Galanter M.* The Day after the Litigation Explosion // *Maryland Law Review*. 1986. Vol. 46. Issue 3. Pp. 3–39.

19. *Gotanda J. Y.* Punitive Damages: A Comparative Analysis // *Columbia Journal of Transnational Law*. 2003. Vol. 42. Pp. 391–444.

20. *Jaffey P.* The Law Commission Report on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages // *Modern Law Review*. 1998. Vol. 61. Issue 6. Pp. 860–869.

21. *Jansen N., Rademacher L.* Punitive Damages in Germany // *Punitive Damages: Common Law and Civil Law Perspectives* / Helmut Koziol and Vanessa Wilcox (eds.). Vienna, 2009. Pp. 75–86.

22. *Janssen A. U., Wang J.* Punitive damages under the new Chinese Civil Code. A critical and comparative analysis // *Asia Pacific Law Review*. 2021. Vol. 29. Issue 2. Pp. 346–365. DOI: 10.1080/10192557.2022.2033087.

23. *Jonson V. R.* Punitive Damages, Chinese Tort Law, and the American Experience // *Frontiers of Law in China*. 2014. Vol. 9. Issue 3. Pp. 321–358.

24. *Kelley J. E.* Seeking Justice for Pollution Victims in China: Why China Should Amend the Tort Liability Law to Allow Punitive Damages in Environmental Tort Cases // *Seattle University Law Review*. 2012. Vol. 35. Pp. 527–557.

25. *Kim M.* Improving the Effectiveness of South Korean Product Liability Including Punitive Damages: A Comparative Analysis Between the United States and South Korea (2017). Theses and Dissertations. 72 p.

26. *Koziol H.* Punitive Damages – A European Perspective // *Louisiana Law Review*. 2008. Vol. 68. Issue 3. Pp. 741–764.

27. *Lens J. W.* Punishing for the Injury: Tort Law's influence in Defining the Constitutional Limitations on Punitive Damage Awards // *Hofstra Law Review*. 2011. Vol. 39. Pp. 595–644.

28. *Maher F.* An Empirical Study of Exemplary Damages in Australia // *Melbourne University Law Review*. 2019. Vol. 43. Issue 2. Pp. 694–747.

29. *Mahé Ch. B. P.* Punitive Damages in the Competing Reform Drafts of the French Civil Code // *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* / L. Meurkens & E. Nordin (eds.). Intersentia, 2012. Pp. 259–282.

30. *Nagy C. I.* Recognition and Enforcement of US Judgments Involving Punitive Damages in Continental Europe // *Nederlands Internationaal Privaatrecht*. 2012. Vol. 30. № 1. Pp. 1–11.

31. *Olson W. K.* The Litigation Explosion: What Happened When America Unleashed the Lawsuit. Truman Talley Books, 1991. 388 p.

32. *Owen D. G.* Punitive Damages in Products Liability Litigation // *Michigan Law Review*. 1976. Vol. 74. Issue 7. Pp. 1257–1371.

33. *Qu H.* The Current Application and Optimization Suggestions of the Punitive Damages System in China // *Proceedings of ICILLP 2024 Workshop: Turkey's Current Corruption Situation: Laws, Economic Impact and Government Analysis*. 2024. Vol. 66. Pp. 43–52. DOI: 10.54254/2753-7048/66/2024MU0010.

34. *Robinson M. P., Kane G. H. B.* Punitive Damages in Product Liability Cases // *PePp. L. Rev.* 1978. Vol. 6. Issue 1. Pp. 139–148.

35. *Sales J. B., Cole K. B.* Punitive Damages: A Relic that Has Outlived Its Origins // *Vanderbilt Law Review*. 1984. Vol. 37. Pp. 1117–1172.

36. *Sales J. B.* The Emergence of Punitive Damages in Product Liability Actions: A Further Assault on the Citadel // *ST. MARY'S L.J.* 1982. Vol. 14. Issue 2. Pp. 351–404.

37. *Schuster R. D.* Punitive Damages Awards in Strict Products Liability Litigation: The Doctrine, the Debate, the Defenses // *Ohio State Law Journal*. 1981. Vol. 42. Issue 3. Pp. 771–796.

38. *So J.-S., Song J.-E.* Product Liability in Korea // *Product Liability: Fundamental Questions in a Comparative Perspective*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. Pp. 80–96.

39. *Tolani M.* U.S. Punitive Damages before German Courts: Comparative Analysis with Respect to the Ordre Public // *Annual Survey of International and Comparative Law*. 2011. Vol. 17. Pp. 183–207.

40. *Ungerer J.* German Law's Dilemma with Punitive Damages: German Federal Court of Justice, Judgment of 4 June 1992, Case IX ZR 149/91 (BGHZ 118, 312) // *J. Goudkamp; E. Katsampouka* (eds); *Landmark Cases in the Law of Punitive Damages* (Hart 2023). Pp. 129–150. DOI:10.5040/9781509967032.ch-007.

41. *Vanleenhove C.* Punitive Damages and European Law: Quo Vademus? // *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* Intersentia, 2012. Pp. 337–353.

42. *Verheij A. J.* Compensation for non-material damage. Academic dissertation to obtain the degree of doctor. Free University of Amsterdam. 2002. 622 p.

43. *Volker B.* Punitive Damages in American and German Law – Tendencies towards Approximation of Apparently Irreconcilable Concepts // *Chicago-Kent Law Review*. 2003. Vol. 78. Issue 1. Pp. 105–161.

44. *Zhang X., Wang Y.* Punitive damages in consumer public interest litigation in China: an empirical study // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. Pp. 1–14. DOI: 10.1057/s41599-023-01985-4.

45. 陈丽平: 《外国惩罚性赔偿判决承认与执行问题研究》, 博士学位论文, 武汉, 中南财经政法大学, 2017, 198页。

46. 黄璞虑: 《民法典惩罚性赔偿条款在知识产权侵权领域的规范冲突与解决》。URL: <https://aiqi-cha.baidu.com/qifuknowledge/detail?id=10119409798>.

47. 税兵: 《惩罚性赔偿的规范构造——以最高人民法院第23号指导性案例为中心》, 载《法学》2015年第4期, 第98-108页。

48. 王利明: 《惩罚性赔偿制度研究》, 载《中国社会科学》2000年第4期, 第112-122页。

49. 吴心怡: 《〈民法典〉背景下惩罚性赔偿制度研究》, 硕士学位论文, 延安, 延安大学, 2024, 43页。

References

1. Bogdanov D. E. *Triedinaya sushchnost' spravedlivosti v sfere deliktной otvetstvennosti* [The Triune Essence of Justice in Tort Liability]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2013. Issue 7. Pp. 49–62. (In Russ.).
2. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. *Dogovornoe pravo. Kniga pervaya. Obshchie polozheniya* [Law of Contracts. Book One. General Provisions]. Moscow, 2000. 848 p. (In Russ.).
3. Budylin S. L. *Shtrafnye ubytki. Teper' i v Rossii?* [Punitive Damages. Now in Russia, too?]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2013. Vol. 13. Issue 4. Pp. 19–52. (In Russ.).
4. Evstigneev E. A. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k st. 1099–1101 GK o kompensatsii moral'nogo vreda* [Scientific and Practical Commentary on Articles 1099–1101 of the Civil Code on Compensation for Moral Harm]. *Tsivilistika – Science of Civil Law*. 2022. Issue 5. Pp. 15–142. (In Russ.).
5. *Grazhdanskiy kodeks Kitayskoy Narodnoy Respubliki* [Civil Code of the People's Republic of China]. Moscow, 2024. 368 p. (In Russ.).
6. Zardov R. S. *Ob opravdannosti sokhraneniya mekhanizma zakonnoy shtrafnoy neustoyki na sovremennoy etape* [On the Justification of Statutory Penalty Preservation at the Present Stage]. *Zakon – Law*. 2018. Issue 6. Pp. 128–139. (In Russ.).
7. Ioffe O. S. *Izbrannye trudy* [Selected Works: in 4 vols]. Vol. 1. *Pravootnoshenie po sovetskomu grazhdanskomu pravu. Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Legal Relationship under Soviet Civil Law. Liability under Soviet Civil Law]. St. Petersburg, 2003. 574 p. (In Russ.).
8. Karapetov A. G. *Ekonomicheskiy analiz prava* [Economic Analysis of Law]. Moscow, 2016. 528 p. (In Russ.).
9. Krasnova S. A. *Sverkhkompensatsionnaya zashchita v rossiyskom grazhdanskom prave: formy i predely* [Overcompensatory Protection in Russian Civil Law: Forms and Limits]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii – Herald of Economic Justice*. 2020. Issue 1. Pp. 68–110. (In Russ.).
10. Kuznetsova O. A. *V pol'zu kogo vzyaskaetsya shtraf, ili rol' zapyatoy v grazhdanskom prave* [Who Is Awarded a Fine, or the Role of the Comma in Civil Law]. *Sed'moy Permskiy kongress uchenykh-yuristov* [The Seventh Perm Congress of Legal Scientists (Perm, 2016, November 18-19): a collection of scientific articles]. Ed. by V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow, 2017. Pp. 247–253. (In Russ.).
11. Rovnyy V. V. *Problemy edinstva rossiyskogo chastnogo prava* [Problems of the Unity of Russian Private Law]. Irkutsk, 1999. 310 p. (In Russ.).
12. Slesarev V. L., Kravets V. D. *Shtrafnaya neustoyka kak «sverkhkompensatsionnaya» sanktsiya i osobennosti ee primeneniya v delakh s uchastiem potrebiteley* [Punitive Penalty as an 'Overcompensation' Sanction and Features of Its Application in Cases Involving Consumers]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2022. Issue 3. Pp. 59–64. (In Russ.).
13. Cavalier G. Punitive Damages and French Public Policy. Lyon Symposium. France, Lyon, October 4-5, 2007. Available at: <https://univ-lyon3.hal.science/hal-00325829/document>. (In Eng.).
14. Cunnington R. Should Punitive Damages Be Part of the Judicial Arsenal in Contract Cases? *Legal Studies*. 2006. Vol. 26. Issue 3. Pp. 369–393. DOI: 10.1111/j.1748-121X.2006.00016.x. (In Eng.).
15. Cotchett J. W., Molumphy M. C. Punitive Damages: How Much Is Enough? *Civil Litigation Reporter*. 1998. Vol. 20. Issue 1. Available at: https://www.cpm-legal.com/publication-Punitive_Damages_How_Much_Is_Enough. (In Eng.).
16. Doecke A. Exemplary Damages: Retribution and Condemnation – The Purpose Controlling the Scope of the Exemplary Damages Award. *Adelaide Law Review*. 2017. Vol. 38. Pp. 87–112. (In Eng.).
17. Freifield S. The Rationale of Punitive Damages. *Ohio St. L.J.* 1935. Vol. 1. Pp. 5–11. (In Eng.).
18. Galanter M. The Day after the Litigation Explosion. *Maryland Law Review*. 1986. Vol. 46. Issue 3. Pp. 3–39. (In Eng.).
19. Gotanda J. Y. Punitive Damages: A Comparative Analysis. *Columbia Journal of Transnational Law*. 2003. Vol. 42. Pp. 391–444. (In Eng.).
20. Jaffey P. The Law Commission Report on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages. *Modern Law Review*. 1998. Vol. 61. Issue 6. Pp. 860–869. (In Eng.).
21. Jansen N., Rademacher L. Punitive Damages in Germany. In: Koziol H., Wilcox V. (eds.) *Punitive Damages: Common Law and Civil Law Perspectives*. Vienna, 2009. Pp. 75–86. (In Eng.).
22. Janssen A. U., Wang J. Punitive Damages under the New Chinese Civil Code. A Critical and Comparative Analysis. *Asia Pacific Law Review*. 2021. Vol. 29. Issue 2. Pp. 346–365. DOI: 10.1080/10192557.2022.2033087. (In Eng.).
23. Jonson V. R. Punitive Damages, Chinese Tort Law, and the American Experience. *Frontiers of Law in China*. 2014. Vol. 9. Issue 3. Pp. 321–358. (In Eng.).
24. Kelley J. E. Seeking Justice for Pollution Victims in China: Why China Should Amend the Tort Liability Law to Allow Punitive Damages in Environmental Tort Cases. *Seattle University Law Review*. 2012. Vol. 35. Pp. 527–557. (In Eng.).

25. Kim M. Improving the Effectiveness of South Korean Product Liability Including Punitive Damages: A Comparative Analysis Between the United States and South Korea. *Maurer Theses and Dissertations*. 2017. No. 47. 72 p. Available at: <https://www.repository.law.indiana.edu/etd/47/>. (In Eng.).
26. Koziol H. Punitive Damages – A European Perspective. *Louisiana Law Review*. 2008. Vol. 68. Issue 3. Pp. 741–764. (In Eng.).
27. Lens J. W. Punishing for the Injury: Tort Law's Influence in Defining the Constitutional Limitations on Punitive Damage Awards. *Hofstra Law Review*. 2011. Vol. 39. Pp. 595–644. (In Eng.).
28. Maher F. An Empirical Study of Exemplary Damages in Australia. *Melbourne University Law Review*. 2019. Vol. 43. Issue 2. Pp. 694–747. (In Eng.).
29. Mahé Ch. B. P. Punitive Damages in the Competing Reform Drafts of the French Civil Code. In Meurkens L., Nordin E. (eds.) *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* Intersentia, 2012. Pp. 259–282. (In Eng.).
30. Nagy C. I. Recognition and Enforcement of US Judgments Involving Punitive Damages in Continental Europe. *Nederlands Internationaal Privaatrecht*. 2012. Vol. 30. Issue 1. Pp. 1–11. (In Eng.).
31. Olson W. K. *The Litigation Explosion: What Happened When America Unleashed the Lawsuit*. Truman Talley Books, 1991. 388 p. (In Eng.).
32. Owen D. G. Punitive Damages in Products Liability Litigation. *Michigan Law Review*. 1976. Vol. 74. Pp. 1257–1371. (In Eng.).
33. Qu H. The Current Application and Optimization Suggestions of the Punitive Damages System in China. *Proceedings of ICILLP 2024 Workshop: Turkey's Current Corruption Situation: Laws, Economic Impact and Government Analysis*. 2024. Vol. 66. Pp. 43–52. DOI: 10.54254/2753-7048/66/2024MU0010. (In Eng.).
34. Robinson M. P., Kane G. H. B. Punitive Damages in Product Liability Cases. *PePp. L. Rev.* 1978. Vol. 6. Issue 1. Pp. 139–148. (In Eng.).
35. Sales J. B., Cole K. B. Punitive Damages: A Relic that Has Outlived Its Origins. *Vanderbilt Law Review*. 1984. Vol. 37. Pp. 1117–1172. (In Eng.).
36. Sales J. B. The Emergence of Punitive Damages in Product Liability Actions: A Further Assault on the Citadel. *ST. MARY'S L. J.* 1982. Vol. 14. Issue 2. Pp. 351–404. (In Eng.).
37. Schuster R. D. Punitive Damages Awards in Strict Products Liability Litigation: The Doctrine, the Debate, the Defenses. *Ohio State Law Journal*. 1981. Vol. 42. Issue 3. Pp. 771–796. (In Eng.).
38. So J.-S., Song J.-E. Product Liability in Korea. *Product Liability: Fundamental Questions in a Comparative Perspective*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. Pp. 80–96. (In Eng.).
39. Tolani M. U.S. Punitive Damages before German Courts: Comparative Analysis with Respect to the Ordre Public. *Annual Survey of International and Comparative Law*. 2011. Vol. 17. Pp. 183–207. (In Eng.).
40. Ungerer J. German Law's Dilemma with Punitive Damages: German Federal Court of Justice, Judgment of 4 June 1992, Case IX ZR 149/91 (BGHZ 118, 312). In Goudkamp J., Katsampouka E. (eds.) *Landmark Cases in the Law of Punitive Damages*. Hart, 2023. Pp. 129–150. DOI:10.5040/9781509967032.ch-007. (In Eng.).
41. Vanleenhove C. Punitive Damages and European Law: Quo Vademus? In Meurkens L., Nordin E. (eds.) *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* Intersentia, 2012. Pp. 337–353. (In Eng.).
42. Verheij A. J. *Compensation for Non-Material Damage*. Academic dissertation to obtain the degree of doctor. Free University of Amsterdam, 2002. 622 p. (In Eng.).
43. Volker B. Punitive Damages in American and German Law – Tendencies towards Approximation of Apparently Irreconcilable Concepts. *Chicago-Kent Law Review*. 2003. Vol. 78. Issue 1. Pp. 105–161. (In Eng.).
44. Zhang X., Wang Y. Punitive Damages in Consumer Public Interest Litigation in China: An Empirical Study. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. Pp. 1–14. DOI: 10.1057/s41599-023-01985-4. (In Eng.).
45. Chen L. *Waiguo chengfaxing peichang panjue chengren yu zhixing wenti yanjiu* [A Study on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments on Punitive Damages]. Doctoral Thesis. Wuhan, Zhongnan University of Economics and Law, 2017. 198 p. (In Chin.).
46. Huang P. *Minfadian chengfaxing peichang tiaokuan zai zhishichanquan qinquan lingyu de guifan chongtu yu jieju* [Legal Conflicts in the Provisions of the Civil Code on Punitive Damages Related to Intellectual Rights Violations and the Overcoming of Such Conflicts]. Available at: <https://aiqicha.baidu.com/qifuknowledge/detail?id=10119409798>. (In Chin.).
47. Shui B. *Chengfaxing peichang de guifan gouzao – yi zuigao renmin fayuan di 23 hao zhidaoxing anli wei zhongxin* [The Normative Structure of Punitive Compensation – Based on the Guiding Case No. 23 of the Supreme People's Court]. *Jurisprudence*. 2015. Vol. 2015. Pp. 98–108. (In Chin.).
48. Wang L. *Chengfaxing peichang zhidu yanjiu* [Research on the Punitive Damages System]. *Zhongguo shehui kexue – Chinese Social Sciences*. 2000. Issue 4. Pp. 112–122. (In Chin.).
49. Wu X. *Minfadian beijingxia chengfaxing peichang zhidu yanjiu* [Research on the Punitive Compensation System From the Perspective of the Civil Code]. Master Thesis. Yan'an, Yan'an University, 2024. 43 p. (In Chin.).

Информация об авторах:

М. В. Кратенко

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Санкт-Петербургский государственный университет
199106, Россия, г. Санкт-Петербург, 22-я линия В.О., 7

ORCID: 0000-0002-6583-0588
ResearcherID AAS-7459-2020

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-762-786
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-766-789
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213
DOI: 10.21638/spbu14.2022.310
DOI: 10.4337/apjel.2022.01.01

Е. А. Ербахаев

Доктор права
Китайский политико-правовой университет
100088, КНР, г. Пекин, ул. Ситучен, 25

Адвокат, советник
Адвокатское бюро «Казиков и партнеры»
101000, Москва, Лялин переулок, 9, стр. 3

ORCID: 0000-0003-1332-6053
ResearcherID OCK-5386-2025

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.21638/spbu14.2019.213
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213

About the authors:

M. V. Kratenko

St. Petersburg State University
7, 22 line, Vasilyevsky Ostrov, St. Petersburg, 199106,
Russia

ORCID: 0000-0002-6583-0588
ResearcherID AAS-7459-2020

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-762-786
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-766-789
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213
DOI: 10.21638/spbu14.2022.310
DOI: 10.17116/sudmed20236601159
DOI: 10.17116/sudmed20226501162
DOI: 10.4337/apjel.2022.01.01

E. A. Erbakhaev

China University of Political Science and Law
25, Xitucneng st., Beijing, 100088, PRC

Kazakov & Partners Attorneys at Law
9, bld. 3, Lyalin pereulok, Moscow, 101000, Russia

ORCID: 0000-0003-1332-6053
ResearcherID OCK-5386-2025

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.21638/spbu14.2019.213
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213